

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

БОЛЬШОЙ
КУШ

Шпионы и все остальные (АСТ)

Данил Корецкий
Большой куш

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корецкий Д. А.

Большой куш / Д. А. Корецкий — «АСТ», 2017 — (Шпионы и все остальные (АСТ))

ISBN 978-5-17-103507-5

Оперативники, выразительно прозванные бандитами Бэтмэном и Терминатором, ведут опасную работу по обезвреживанию оргпреступных группировок, рискуют жизнью, но недовольны зарплатой и отношением со стороны руководства. Получив информацию о сделке между двумя ОПГ, они проводят хитроумную комбинацию, завладевая предметами этой сделки – крупной суммой денег и наркотиками. Но удастся ли им удержать захваченное богатство? И самое главное – станут ли они счастливее? В какую сторону изменится их жизнь?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103507-5

© Корецкий Д. А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1. Полицейские будни	6
Глава 2. Налет на инкассаторов	13
Глава 3. Полицейские и бандиты	26
Глава 4. Запах больших денег	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Данил Корецкий

Большой куш

© Корецкий Д. А.

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1. Полицейские будни

«Мертвецов» обнаружили в селе Камнедробильское Кремниевского района. Они покупали в продовольственном магазине колбасу, консервы, хлеб и две бутылки водки. Среди покупателей случайно находился участковый Поповченко, по случаю выходного он был в штатском, и пистолет остался в сейфе, но служебные знания из головы не вынимаются: он помнил фотографии фигурантов громкого розыска и сейчас опознал их, хотя внешне этого никак не проявил.

Один – худой, высокий: рост 177–180, с вытянутой лошадиной физиономией и глубоко посаженными недобрыми глазами. В зеленой брезентовой куртке с эмблемой «Минтрансстрой», таких же штанах и сапогах; он напоминал работягу, из строившей новый цех комбината, бригады. Но даже беглого взгляда было достаточно, чтобы определить: к рабочей бригаде он никакого отношения не имел, разве что к бандитской... Второй пониже, поплотнее, с испытанным лицом, все время морщился, как от зубной боли, и переступал с ноги на ногу, словно хотел в туалет или просто нервничал. Такая же простецкая одежда: красно-зеленая фланелевая рубаша, черные широкие брюки заправлены в сапоги, правая рука все время в заметно отвисающем кармане. Видно, там у него тот самый, упоминавшийся в ориентировке «ПМ». И хотя в розыскных документах говорилось, что «мертвецов» трое, было ясно, что это они и есть, хотя и в неполном составе. Значит, в принципе, их можно было задерживать... В принципе...

Поповченко вздохнул и почесал затылок. Только в кино один безоружный полицейский лихо заламывает двух особо опасных вооруженных преступников. В жизни, однако, все по-другому. Работал он участковым недолго – меньше пяти лет, но этого опыта хватило, чтобы не продлевать список полицейских, погибших при исполнении служебных обязанностей. Тем более, что по нынешним временам еще неизвестно – признают его находящимся при исполнении или нет. По закону должны признать: полицейский всегда при исполнении – в форме он или в плавках, на службе или в отпуске, трезвый или... Вот тут-то и была закавыка: в обед он уже пропустил стаканчик, а в сельмаг зашел за добавкой, и хотя насчет алкоголя в крови нигде ничего не сказано, но законов нынче столько, сколько начальников, да еще каждый их по-своему толкует, причем не для того, чтобы лучше выполнить, а для того, чтобы собственную задницу прикрыть. Так что если выпил, то лучше не проявлять героизма, тем более без оружия. Хотя эти гады и вооруженных положили...

Имея кучу оправданий своего бездействия, Поповченко, хотя и стал на служебные рельсы, но с места не двинулся и все же купил водочки: для конспирации, чтобы не привлекать внимания резким изменением намерений. Потом вышел на крыльцо и, будто бы рассматривая на свет перевернутую бутылку – не самопал ли? – проследил, как двое «мертвецов» присоединились к третьему, караулившему объемистые рюкзаки и какой-то сверток, в котором должен был находиться автомат АКМС – десантный вариант со складным прикладом.

Не задерживаясь, «мертвецы» быстрым шагом пошли в сторону леса, а участковый, по-прежнему не привлекая внимания, отправился домой, позвонил дежурному и доложил, что самая разыскиваемая на сегодняшний день тройка находится в квадрате «Д-15». В принципе, он все сделал правильно, хотя водки еще выпил, потому что перед глазами все время вставала картина: его собственный труп возле сельмага и толпящееся вокруг начальство, рассуждающее: положены жене и детям компенсации за полицейского, погибшего на службе, или все-таки в данном случае не положены...

«Мертвецы» тем временем вошли в не очень густой лес и двинулись на северо-восток, чтобы через два-три дня скрытно выйти из «стоящего на ушах» по поводу их поиска Тихо-

донского края в спокойную Волжскую область, которая, конечно, тоже будет выполнять разыскные мероприятия, но казенно, потому что личных побудительных мотивов у здешних оперов нет.

Пройдя несколько часов, они сделали привал, с аппетитом пообедали и выпили. Они прекрасно себя чувствовали и вовсе не ощущали запаха приближающейся смерти – напротив, надеялись выйти сухими из воды и остаться безнаказанными, как им удавалось уже не один раз. С теми деньгами, которые находились в рюкзаках, они строили планы сытой, пьяной, богатой и красивой жизни – не такой, конечно, как в цветном голливудском кино: с дорогими смокингами, шикарными интерьерами, прислугой, разносящей на подносах диковинные конические бокалы, с ослепительными красавицами-кинозвездами... Нет, так, конечно, не выйдет: напаяль на Серого смокинг – смех один! Да и с кинозвездами общаться привычки нет, с ними даже заговорить боязно, не то чтобы кружиться в веселом танце, а потом уверенно вести в невиданно богатую спальню... Но ничего, и без этих буржуазных вывертов бухла, жратвы и баб им хватит...

Конечно, можно «спалиться» и опять оказаться за «решкой», но это вряд ли – с такими бабосами-то... И хороших адвокатов можно найти, и понимающих следяков, и мягкосердечных судей – мало ли вокруг примеров выплескивающейся через край гуманности, криворуккой беспомощности или циничной близорукости...

Можно сказать, что во многом они были правы. Но в одном ошибались. Они убили полицейских. И потому им не суждено было добраться до пространства хорошо оплаченных предпочтений. Между ними и хитроумными адвокатами стояли те, кто будет их задерживать – друзья убитых сотрудников. Пусть даже не друзья, в полном смысле слова – коллеги, однополчане, сослуживцы, товарищи по оружию, которые идут по следу и которые твердо знают: ментов убивать нельзя! Ни одного примера, когда такое сходит с рук, в жизни быть не должно! Иначе и каждый из них может не прийти домой с очередного дежурства... Поэтому разыскное дело называли «Мертвецы», хотя кавычки здесь были условными – все знали, что это действительно мертвецы, пока еще временно живые.

И хотя сытая, подвыпившая, богатая, сильная и хорошо вооруженная троица рвалась к новой жизни и верила в успех, хотя они еще физически существовали – похабно шутили, смеялись, сыто отрывгивали и портили воздух, они уже были мертвецами и изменить ничего не могли. Даже если бросят оружие и поднимут руки, это их не спасет: в рапортах о захвате картина происшедшего будет совсем другой – не оставляющей возможности взять их живыми. Она уже написана в воображении тех, кто идет по следу, и ни один, самый ушлый адвокат, ни один крючкотвор-следователь, ни один оборотень, в погонах или без, не сможет изменить в этой картине ни одного штриха... Вот почему прорывающуюся сквозь колючий кустарник троицу можно было смело считать мертвецами.

* * *

Вертолет «МИ-8» с крупными буквами «Полиция» на борту достиг квадрата «Д-15» через два часа. Люди, находившиеся на борту, называли друг друга по позывным, командовал боевой группой капитан Волков – позывной «первый». Их наводили с земли: старлей Поповченко с растянувшимся цепью десятком добровольцев-охотников шел, не сокращая дистанции, в километре сзади, по следам временно живых мертвецов, личный состав двух районных отделов полиции прикрывал их движение с флангов, чтобы не дать свернуть в какую-нибудь деревушку или выбраться на шоссе.

И хотя, заслышав рокот вертолетного двигателя, «мертвецы» замаскировались, вжимаясь в теплую землю или прижимаясь к твердым стволам деревьев, на третьем круге наблю-

датель с позывным «второй», внимательно изучающий землю в бинокль, обнаружил торчащие из кустов ноги в зеленых брюках, заправленных в сапоги.

– Есть! – сказал «второй» и указал пальцем вниз. – Ориентир – двойная береза и дуб напротив.

– Садимся! – приказал «первый».

Подходящую поляну пилот нашел метрах в пятистах. Вертолет плавно опустился на мягкую, покрытую подгнивающими листьями землю. Лопасты винта еще продолжали вращаться, но люк распахнулся, наружу сноровисто выпрыгнули шесть человек и разбежались веером, прячась за деревьями: так становятся на номера стрелки, на которых загонщики гонят зверя. Или зверей.

Четверо были силовой поддержкой из СОБРа – с бесшумными автоматами «Вал» на изготовку, в черных комбинезонах, тяжелых бронежилетах, касках и черных масках, закрывающих лица. Собственно, сейчас маски были не нужны, но они придавали устрашающий вид, оказывая психологическое воздействие на противника и снижая вероятность сопротивления. Впрочем, сейчас это тоже было не нужно, просто сказывалась привычка.

Двое других отличались от собровцев: обычные штатские костюмы, легкие пулезащитные жилеты «Кора» под пиджаками, пистолеты – никаких касок и масок, напротив – нелепо выглядящие в лесу шляпы. Знающие люди сразу определили бы в них оперативников – инициаторов операции по захвату. Это были крупные молодые мужчины, лица которых и без масок могли деморализовать любого преступника. Собры называли друг друга по позывным, а инициаторов псевдонимами: один откликнулся на Терминатора, второй – на Бэтмена.

– Давай, гони их на нас, – сказал в рацию «первый». – Только стреляйте вверх и залягте, а то друг друга перемочим...

– Принял! – ответил Поповченко.

И почти сразу в отдалении послышались крики и выстрелы.

* * *

– Твою мать, кажется, влипли в блудную! – крикнул Серый – тот, что с лошадиным лицом и в куртке «Минтрансстрой». Он был старшим среди беглецов и, пожалуй, самым опытным. И в ментов начал стрелять он, о чем теперь, увидев вертолет и обнаружив преследование, начал жалеть.

– Окружили! Надо уходить в сторону! На шоссе выйдем, захватим машину! – Он сдвинул предохранитель автомата на автоматический огонь и свернул влево.

Двое других, приготовив пистолеты и настороженно озираясь по сторонам, пошли за ним. Сзади гремели выстрелы и доносились крики, содержания которых было не разобрать. Но вряд ли их приглашали отдохнуть, попариться в баньке, поужинать и заночевать на чистых простынях. Скорей требовали остановиться, бросить оружие и поднять руки, в противном случае грозя жестокой расправой. Впереди, там, где сел вертолет, было тихо. Но это не успокаивало. Одно дело, когда мусора гоняются за тобой на машинах, а совсем другое – когда на вертолете! Тут ясно: против тебя поднялась вся ментовская рать!

Стрельба прекратилась, и крики смолкли, у «мертвецов» даже появилась шальная мысль, что им удалось уйти и в этот раз. Вдруг справа что-то два раза то ли щелкнуло, то ли свистнуло, идущий впереди Серый молча упал, уткнувшись лицом в землю, и больше не двигался.

– Засада!! – заорал Кот и, не целясь, принялся разряжать обойму «ТТ» в направлении странных звуков, будто хотел наудачу поразить неведомого Соловья-разбойника. Но тут что-то ударило его по голове, выбив здравую догадку вместе со всеми остальными мыслями и мозгами. Державшийся последним Финик увидел, как голова подельника разлетелась, словно

спелый арбуз, по которому сильно ударили бейсбольной битой. Горячие капли забрызгали ему лицо. Неожиданно для самого себя, он отбросил пистолет в сторону, изо всех сил вытянул вверх руки и истошно завыл:

– Я сдаюсь! Сдаюсь я!

Но, очевидно, Соловья-разбойника это не интересовало: две тяжелые девятимиллиметровые пули вошли Финику в грудь, разорвали внутренности и вышли через спину, так что на землю он упал уже мертвым. Временная отсрочка у «мертвецов» истекла, метафора стала реальностью, и их черные души стремительно понеслись в ад.

Кусты зашуршали, из них вынырнули «ангелы смерти». «Первый» внимательно осмотрел трупы.

– Попадания правильные. «Второй» и «Четвертый», займитесь оружием!

Двое собров дали по окружающим кустам и деревьям пару очередей из автомата Серого и несколько раз выстрелили из пээма Финика. Пули срезали кустарник и ковыряли стволы деревьев на уровне человеческого роста, создавая впечатление отчаянного сопротивления.

– Хорошо! – сказал «Первый» и поднес рацию ко рту – доложить начальству об успешном завершении операции.

Из кустов выбрались оперативники. «Терминатор» шел скособочившись, одной рукой оттянув простреленную полу пиджака, а второй держась за разодранный защитный жилет на боку, шляпа съехала на затылок... Бэтмэн поддерживал его с другой стороны, у него шляпа, напротив, – была надвинута на глаза.

– Одно ребро точно лопнуло! А может, и два! – цедил Терминатор, перемежая сообщение словами, которые, согласно моральному кодексу сотрудника органов внутренних дел, употреблять категорически запрещено.

– Хорошо, не в шею и не в голову, – Бэтмэн сочувственно кивал головой. – Сильно болит?

– Прилично...

– Бинт нужен? – спросил «первый». – Или промедол?

– Сейчас посмотрим, – Терминатор сбросил пиджак, осторожно снял кевларовый жилет, задрал рубашку. Крови не было. Только вспух красный рубец на боку.

– Вскользь прошло! – сказал Бэтмэн. – Надо тугую повязку наложить, чтобы ребра зафиксировать...

– Повезло, он ведь из «тэтэшника» мочил, мог насквозь, – сказал «первый» и, протянув индпакет, вернулся к текущим делам, а Бэтмэн, перевязав товарища, достал рацию и доложил обстановку своему начальству.

Собры обыскали убитых, развязали их рюкзаки. Они были набиты пачками пятитысячных купюр. На фоне стрельбы, трупов и смертельного риска деньги не выглядели богатством. Единственным богатством в этой обстановке была жизнь. Сейчас это поняли бы и мертвецы, если бы они были способны что-либо понимать.

Пахло лесом. Чистый воздух был насыщен ароматом прелых листьев, свежей зелени, парующей земли. В эти мирные запахи вплеталась горькая гарь сгоревшего пороха и сладковатый оттенок крови. Но запахов бойцы не ощущали. Натянутые нервы требовали расслабления и снятия стресса. Никаких специальных лекарств для этого не придумали, кроме универсального, налитого в походные фляжки. Им и лечились, ожидая прибытия следственно-оперативной группы. Адреналин постепенно разлагался в водке, и парни успокаивались. В принципе, все прошло нормально. Могло быть гораздо хуже.

* * *

Ницца есть Ницца. Голубая вода, яркое ласковое солнце, приятный морской ветерок, белоснежная яхта, оставляющая за кормой вспененный, медленно тающий бурун, похожий на инверсионный след самолета в высоком синем небе. Все это не располагает к серьезным разговорам даже серьезных людей. А мужчины в одинаковых бейсболках «Пол Шарк» и солнцезащитных очках «Труссарди», которые курили сигары, развалившись в шезлонгах на палубе, несомненно, относились к такой категории. Оба крупного телосложения, грузные тела изрядно заплыли жиром, и животы откровенно нависали над одинаковыми синими плавками тоже от Пола Шарка. С первого взгляда было видно, что они относились к хозяевам жизни. Грубые властные лица с жесткими складками вокруг рта выдавали привычку отдавать команды, которые беспрекословно исполняются. Они были похожи друг на друга, как будто вышли из одного инкубатора. Когда-то такими инкубаторами были комсомольские и партийные школы, которые формировали руководителей по единому стандарту. И хотя они канули в прошлое, стандарты, очевидно, остались...

– Я не стал покупать готовую, заказал в Гамбурге на верфи, на свой вкус. Семьдесят футов, океанская, стальной усиленный корпус, – рассказывал до черноты загорелый мужчина с массивной золотой цепью на толстой шее и для убедительности постучал босой ногой по палубе. – Можно вокруг света обойти!

И, спохватившись, пояснил:

– Семьдесят футов, это больше двадцати метров. По классификации считается довольно большой!

– Спасибо, что объяснил, Георгий, – безуспешно пытаюсь скрыть сарказм, ответил собеседник. Судя по отсутствию загара, он совсем недавно приехал на Лазурный берег. – Но у Абрамовича-то яхта побольше будет...

Тот глянул внимательно и едва заметно усмехнулся.

– Не обижайся, Витя! Просто у тех, кто занимается яхтингом, свои словечки, – он поднес сигару ко рту, затянулся, выпустил дым кольцами, но морской бриз тут же уничтожил показатель мастерства курильщика. На безымянном пальце блестел и переливался всеми цветами радуги платиновый перстень с крупным бриллиантом. С ним ветерок ничего не мог поделать. Так же, как с часами «Ланге и сын» из белого золота, скромно блестящими на запястье левой руки.

– Да я не обижаюсь, Жора, о чем разговор, – дружески улыбнулся тот, кого звали Виктором, и тоже затянулся.

Колеч из дыма он выпускать не умел, цепи и перстни носить не привык: они плохо гармонировали с генеральским мундиром. Правда, «Ланге и сын» у него был точно такой же: Георгий подарил, как только он поднялся на яхту. И даже сам выставил – на одном циферблате российское время, на другом европейское. Очень удобно! Он непроизвольно бросил взгляд на часы. И красиво! Это не грубый кусок золота, который любят нацеплять всякие скоробогачики – солидно и в то же время изящно.

У Окурока, как ни странно, есть вкус! Где он его поднабрался? В мордовских колониях, где отбыл три срока за вымогательство и разбой? Правда, это было давно, в восьмидесятые-девяностые, потом таких, как он, сажать перестали. Изменилась жизнь, изменились правила игры, а эти ребята очень хорошо приспосабливаются к обстановке... Они хорошо вписались в новую жизнь и даже стали нужны многим. В девяносто пятом, когда он молодым капитаном сажал Окурока за нападение на ювелира, разве мог представить, что будет гостить у него во Франции, кататься на его яхте, да еще в выданной им одежде?! Да нет, в кошмарном сне бы не приснилось! А теперь вроде и ничего страшного – что было, то бывшем

поросло, прошлые судимости никого не пугают, сейчас Окорок никакой не Окорок, а уважаемый бизнесмен, большую часть времени живущий во Франции. А что одежду выдал – ну, подумаешь, гостевой комплект, сейчас это принято...

Конечно, афишировать такие связи нельзя, но у Георгия охрана – волкодавы, если кто-то неосмотрительно поднимет поблизости фотокамеру или телефон, то разобьют и объектив, и физиономию... Хотя нет, физиономию не тронут – тут с этим строго...

– Три носовые каюты, ты их видел. В каждой свой галльон... Отделка – орех, дуб, красная медь, мебель по лучшему каталогу. И главное – все под меня, как я захотел, – пел соло-вьем бывший Окорок.

– Ну, и сколько стоит это удовольствие? – перебил Виктор.

Георгий махнул рукой.

– Около четырех лямов, точно надо у бухгалтера спросить.

– Долларов?

– Евро.

– А-а-а...

«Офигеть, – подумал Виктор. – При моих доходах, и то надо года полтора-два копить... А он вон как легко рукой машет: ерунда, мол. Помахал бы он так в девяносто пятом, когда для форсу за бутылку коньяка нанимал спасательный глиссер и катал девочек по Дону... Судовладелец фуев...»

Георгий будто прочел его мысли и покровительственно похлопал по плечу.

– Ничего, если наше сотрудничество будет развиваться столь же плодотворно и дальше, то ты тоже сможешь позволить себе такую яхту. Или какой-нибудь такой домик...

Яхта уже шла вдоль берега, и он показал на горный склон, тесно застроенный разнокалиберными виллами.

Виктор усмехнулся.

– Я не шучу, – вполне серьезно проговорил Георгий. – Тебе ведь надо о будущем думать! Вышибут тебя из кресла – и что дальше? Тут и понадобится золотой парашют и местечко, куда приземлиться!

– Хорошо. Буду иметь в виду, – ответил Виктор.

– И вот это возьми, пригодится, – бывший Окорок протянул коробочку с надписями на «зарубежном», как говорят некоторые интеллектуалы, языке. Поскольку генералу не обязательно владеть зарубежным языком, то Виктор сразу стал распаковывать коробку.

– Что это? – нетерпеливо спросил он.

– «Black Phone», крипосмартфон, – объяснил Георгий. – Разговор по нему шифруется, и перехватить его невозможно.

– Никогда не видел, – заинтригованный Виктор рассматривал симпатичный, довольно увесистый аппарат.

– У вас такие запрещены. Поэтому лучше никому не показывай. Положи в сейф и заряжай раз в месяц. А когда тебе придет знак, чтобы со мной соединился – либо набери номер: он уже вбит, или положи рядом с собой – я сам позвоню.

– А какой знак придет? Почтовый голубь прилетит?

– Зачем? Позвонят по обычному телефону или эсэмэс пришлют. Что-нибудь типа «Жора не может дозвониться»...

– А что он такой тяжелый? – Виктор прикинул черный, с большим экраном аппарат на ладони.

Георгий усмехнулся.

– На пятьдесят грамм всего. Шифровальное оборудование.

Яхта описала плавный полукруг, зашла в марину, капитан мягко подошел к причалу, матрос ловко закрепил швартовый канат за небольшой блестящий, словно никелированный, кнехт.

– Поехали ко мне, – сказал Георгий. – Отдохнем, расслабимся.

– Не могу. Валентина и так пилит мозги, что я оставляю ее одну.

– Тогда ладно, порадуй жену. Поводи ее по магазинам, своди в рестораны. Вот, держи, на мелкие расходы, – он протянул золотую пластиковую карту. – ПИН код на ней.

– Думаешь, у меня денег нет?

– Да ничего я не думаю! Просто небольшой знак внимания твоей жене. А вечером пришлю ей цветы.

– Ладно, дорогой, спасибо!

Расстались они довольные друг другом.

Глава 2. Налет на инкассаторов

По вертикальной лестнице Федор Степанович забрался на восьмиметровую высоту довольно быстро, хотя и с одышкой. Отец поставил голубятню после войны. Маленький Федор лазил на нее быстро по десять раз в день, но в шестьдесят три года и такой подъем можно было считать успешным.

Он открыл леток, выпуская на волю восемь пар голубей. Здесь были в основном сизари, несколько почтарей и один турман. Несколько турманов разбились во время своих кувырканий, напоминающих штопор и таких же смертельно опасных, поэтому новых Федор Степанович не заводил. Мясных пород он тоже никогда не держал. Даже когда было плохо с мясом и его товарищ Сергей по прозвищу Водолаз предлагал дать на развод пару «кингов», хвастаясь, что он с ними горя не знает: размножаются и вес набирают быстро, мясо вкусное и нежное... Но Федор Степанович отказывался: он считал, что голуби – его близкие друзья, как члены семьи. А друзей есть негоже.

Задрав голову, он смотрел, как, хлопая крыльями, беспорядочно кружатся над ним вырвавшиеся на волю птицы. Потом достал из футляра цейсовский бинокль и осмотрел небо. Отец привез этот бинокль с войны, и все прошедшие годы он верно служил мирную службу. Когда-то в него рассматривали последствия бомбовых ударов, корректировали артиллерийский огонь и снайперские выстрелы. Мощные линзы видели пожары, взрывы, горящие города и танки, дымящие в последнем пике самолеты и мертвые тела... Но эти страшные картины остались в прошлом – большую часть своей жизни цейсовские линзы изучали мирное небо и парящих в нем голубей.

Обычно Федор Степанович смотрел в бинокль – нет ли поблизости чужих стай, потому что тогда надо было выпускать приманщиков, которые завлекали чужаков и приводили в родную голубятню. Когда неосторожный чужак залетал за приманщиком в леток, Федор Степанович дергал веревку и захлопывал треугольную решетчатую дверцу... Чужак оставался в плену, а на следующее утро, как правило, приходил хозяин, чтобы выкупить голубя обратно. Между голубятниками было принято отдавать пленников за небольшую цену, иногда чисто символическую – вдвое, втрое дешевле, чем на птичьем рынке. Федор Степанович никогда не торговался и брал деньги только для соблюдения обычного ритуала.

Впрочем, это было раньше, когда голубятни имелись в каждом третьем дворе, а теперь их осталось, может быть, десять, может, двадцать на весь Тиходонск. Небо было пустынным, только медленно плыли причудливые облака, а вокруг, в крошечных двориках у маленьких саманных и шлакоблочных домиков шла обычная жизнь: хозяева копались на своих грядках, азартно лаяли собаки, кое-где играли дети. Но большинство дворов было пустынным: рабочий день, все зарабатывают деньги, кто где может. Через улицу рабочие в оранжевых касках прокладывают теплотрассу – не самый легкий заработок сегодня, когда все предпочитают другой способ: купи-продай...

Федор Степанович снова поднял бинокль к небу и принялся рассматривать своих голубей. Ему нравились грациозные движения их крыльев, изгиб хвостового оперения, поджатые, как шасси у самолета, лапки. Птицы, описывая круги, постепенно расширяя их и набирая высоту. Глаза-бусинки без особого интереса рассматривали то, что происходит внизу: их родной дом, на веранде которого стоял хозяин и рассматривал их сквозь какую-то штучковину, человеческие домики вокруг; в некотором отдалении из-за высокого длинного забора, который окружал п-образное здание с синими стеклами, выбрался желтый жук, который довольно быстро пополз по дороге. Но голуби не едят насекомых, поэтому все это их не интересовало, они стремились вверх, туда, где их даже не будет видно с земли...

Впрочем, увиденного голубями жука не смогли бы склевать и вороны или даже орлы: на самом деле это был не «жук», а инкассаторский броневик. Он выезжал с дороги, которая вела от Сбербанка в город и, поскольку выезд на основную магистраль был давно перекопан, свернул на узкую дорогу, чтобы выехать через Северный поселок. Но и здесь дорога была плохой: мало того, что не мощеная, так вдобавок впереди рыли широченный глубокий ров для теплотрассы, поэтому проезжая часть сужалась до нескольких метров. Впрочем, водитель был опытный, и его трудности дороги не пугали, как и остальных инкассаторов.

Старший экипажа, Пафнучик, как обычно, рассказывал истории из своей молодости:

– Сейчас работа совсем другая. Едем в танке, с автоматами, сквозь бойницы можем отстреливаться, а нажать кнопку, и через пять минут подоспеет подмога... А когда я после армии пришел в инкассацию, ничего этого не было. В обыкновенной «Волге» ездили с «наганами»... На моем, например, стоял год выпуска – 1898, и клеймо – царский герб и надпись «Тульский Его Императорского Величества оружейный завод».

– Как же вы такими пукалками обходились? – спросил Славка, самый молодой в смене, который еще не знал наизусть всей героической жизни Пафнучика.

– Так тогда все спокойно было. Расскажи, что мы будем с автоматами в броневике ездить – не поверили бы! Все началось с этих бандюг – «фантомасов». Слышал, небось?

– Конечно, – кивнул Славка. – Еще бы не слышать. Даже фильм недавно показывали.

– Да в фильме все переврали, – сказал Пафнучик и махнул рукой. – Просто они автоматы сделали и на нашего брата нападать стали. Это дело невиданное. Тогда никто себе такого не позволял, а они позволили. Одного нашего убили, второго, вот ребята и стали увольняться понемногу. У меня тоже такая мысль появилась. А то ведь идешь к машине с полной сумкой и ждешь выстрелов... Короче, чувствуешь себя, как рябчик на вертеле...

– Рябчик на вертеле уже ничего не чувствует, – сказал Славка.

– Умный ты больно. Вот попадешь, не дай Бог, в засаду...

Пафнучик не окончил фразу. Инкассаторский броневик осторожно прокрадывался между черным провалом рва и стоящим в нескольких метрах слева, у вагончика-бытовки, тарахтящим и выбрасывающим синий дым бульдозером. Несколько рабочих, в черных комбинезонах, ярких оранжевых касках и зеленых респираторах, возились впереди возле экскаватора, опустившего ковш в недорытый ров. И вдруг бульдозер взревел двигателем, сорвался с места и ударил хищно выставленным отвалом в желтый борт.

– ...твою мать! – вскричал водитель, крутя руль, чтобы хоть как-то выправить положение. Но усилия оказались напрасными.

Идущие по краю ямы колеса сорвались, броневик накренился и в следующую секунду тяжело обрушился вниз. С высоты два с половиной метра трехтонная машина упала на правый борт, от удара содрогнулась земля. Сила инерции выбросила инкассаторов из кресел и впечатала в стальную стену. Все трое потеряли сознание и утратили контроль над ситуацией. Ни кнопка сигнала тревоги, ни автоматы, ни бойницы не могли им помочь защитить ценный груз, находящийся в грузовом отсеке.

Бульдозерист, не заглушив мотор, выскочил из кабины. Но и он, и остальные рабочие повели себя совсем не так, как должно было себя вести. Они явно не собирались вызывать «скорую помощь» и звонить в полицию. Один из них по заранее установленной лестнице быстро спустился в ров, прилепил к задней двери в районе замка что-то, похожее на пластик, поджег короткую огнепроводную трубку и отбежал подальше. Грохнул взрыв, и задние двери машины распахнулись, открывая доступ к зеленым брезентовым мешкам в грузовом отсеке. Рабочий принялся собирать эти мешки и бросать их наверх, а когда перебросал все, то выбрался наружу так же, как и спустился.

Федор Степанович любовался полетом стремящихся ввысь голубей, когда услышал какой-то звук. Он сразу не понял, что это взрыв, но посмотрел в сторону, откуда звук донесся.

Там, нависая своим отвалом надо рвом, стоял бульдозер, что было, в общем-то, ненормально. А рядом сутились рабочие, но занимались они странным делом. Кто-то выбрасывал какие-то мешки из рва, а они собирали их и грузили в тачку. Потом быстро покатали эту тачку по улице, свернули за угол, изо рва вылез еще один рабочий и принялся их догонять. Они свернули за угол и скрылись бы за домами от обычного наблюдателя, но Федор Степанович смотрел с высоты, и бинокль позволял хорошо рассмотреть все происходящее. Он видел, как они подбежали к легковому автомобилю, погрузили мешки в багажник, быстро сели в кабину, и машина тронулась с места.

– Ну, дела-а... – ошалело покачал головой Федор Степанович и принялся спускаться вниз.

* * *

Тиходонский Центральный рынок, или как его называют старожилы – Старый базар, мог бы служить музеем продуктового изобилия. Недаром московских гостей водят сюда, как на экскурсию, а они удивляются, изумляются и восхищаются. Хотя если разобраться, то на столичных рынках можно найти все то же самое, даже еще в более широком ассортименте, потому что сюда везут со всей области, а туда – со всего СНГ. И если на тиходонских прилавках вяло шевелятся только местные раки, то на Преображенском или Черемушкинском рынках бултыхаются в аквариумах и донские, и маньчжурские, и саратовские, и севанские, и какие хочешь! Правда, там они подороже, и платить за них надо из своего кармана, а здесь – угощают гостеприимные хозяева. В этом и состоит для гостей основное преимущество Тиходонского Старого базара.

Тиходонцы, конечно, ни изобилием, ни дешевизной местных даров природы не очаровываются. Дело привычное: пришел, купил и ушел, оставив половину месячной зарплаты. Но двое быстро идущих мужчин, уверенно рассекающих бурлящую толпу, не были похожи на обычных покупателей. Высокие, за метр восемьдесят, широкоплечие, с большими ступнями и ладонями, которые так привыкли сворачиваться в огромные кулаки, что почти и не разворачивались обратно. И сейчас кулаки были сжаты, как у боксеров, выходящих на ринг. Будто высеченные из камня лица, жесткий прищур глаз, постоянно сканирующих обстановку вокруг. Костюмы с галстуками и надвинутые на лоб шляпы дополняли картину и делали их похожими на полицейских из голливудского кино.

Началось все действительно с фильма «Скала Малхолланд», где четверка рослых полицейских из специального отряда безжалостно расправлялась с преступниками с помощью револьверов и огромных кулаков, а главный герой – их командир лейтенант Гувер, еще использовал диковинную карманную дубинку, которой бил не только преступников, но и всех, кто ему мешал в данный момент: от военнослужащих особо секретного объекта до агентов ФБР. Копии этого фильма имелись у каждого дома, они знали его наизусть, даже фамилию актера, Ник Нолт, выучили и нашли в интернете сведения о той самой дубинке. Оказывается, она называлась слепер: пружинистая стальная пластина с утяжелением на конце, обшитая толстой кожей и с петлей на рукоятке. У нас они не продаются, друзья хотели заказать себе такие же, но подумали, что в кино возможности слепера преувеличены, к тому же если наотмашь врезать им по лицу, как делал бесстрашный коп, то не просто «отключишь» человека, а убьешь или, в лучшем случае, искалечишь... Да и кулаки их ни разу не подводили... А завести шляпы и костюмы с галстуками несложно, и друзья считали, что теперь похожи на лейтенанта Гувера. И хотя они в этом никому не признавались, коллеги прозвали их «Американцами» или «Копами».

Вид у них действительно был серьезный, и сейчас толпящийся между рядами народ спешно расступался, быстроглазые карманники и блатные, у которых всегда есть дела на

рынке, завидев Терминатора и Бэтмэна (а в этой среде их знали под такими прозвищами), вообще уходили от греха подальше. На самом деле они не были похожи на американцев и имели самые что ни на есть русские фамилии: Васильев и Степанов. Да и на суперменов становились похожими только в минуты крутых замесов, свидетелей которым, как правило, не было, а участники рассказывали легенды о лихости Американцев в следственных изоляторах и колониях различных режимов. Если, конечно, оставались живыми и более-менее здоровыми.

Оперативники вошли в рыбные ряды. На бесконечных деревянных прилавках лежали мокрые серебристые сазаны, хищные серые щуки, усатые сомы с расплюснутыми мордами и огромными ртами, шипастые тупорылые осетры и изящные длинноносые севрюги, а рядом – огромные розовые куски норвежской семги. По непонятной логике, многие покупатели предпочитали привозную мороженую семгу парной осетрине, хотя цена была примерно одинаковой.

За свежей рыбой пошла вяленая и копченая: розово просвечивающие жиром рыбцы, тяжелые, как кабаны, цимлянские лещи – чебаки на местном наречии, похожая на кинжальные клинки чехонь, твердая серебряная таранька, мягкая, истекающая жиром шема. . . Потом начались банки с икрой: обычной черной – осетровой, и для гурманов – серой, севрюжьей.

Продавцами здесь были дородные *круглоликие* казачки и немолодые морщинистые мужики. Командовал тут Григорий Иванович – в отличие от других, у него было удивительно гладкое обветренное лицо с равномерным заггаром, будто в свободное от ловли рыбы время он посещал косметолога и солярий.

– Здорово, Иваныч! – бодро сказал Васильев. – У нас тут торжество намечается: десять лет семейной жизни! Представляешь – у обоих! Мы ведь в один день женились. . .

Григорий Иванович слушал безучастно: не радовался вместе с операми, не удивлялся совпадению, даже не улыбался, как обычно.

– . . .Подготовь, как всегда: осетринки, икорки, рыбчиков, шемайки. . .

– Подготовить-то можно, – глядя в сторону, сухо сказал рыбак. Это было непривычно и настораживало. – Только бесплатно не получится. Теперь у нас тут другие порядки, – продолжил он. – Скидку, конечно, сделаю. Но не очень большую. . .

– А что случилось, Григорий Иваныч? – официальным тоном вступил Степанов. – Разве осетров и шемайку из Красной книги вычеркнули и закон позволяет их ловить и продавать? Или «крыша» поменялась? Или что?

– Какие проблемы, молодые люди? – раздался грубый голос сзади.

К ним подошли два молодых парня в синих комбинезонах с надписью «Охрана». Держались они по-хозяйски, может потому, что ростом и телосложением мало уступали Американцам.

Степанов смерил их презрительным взглядом с головы до ног.

– Вы чьи, малыши? Где Тарас, где Жердяй?

– Не знаю, кто это, – ответил тот, кто постарше. – Мне до них дела нет. Я рынок охраняю. Потому и спрашиваю: какие у вас проблемы? А то смотрю, на покупателей вы не похожи, с нашими продавцами какие-то терки трете, народ отпугиваете. . .

– Слушай, малыш, ты что, нас не знаешь? Мне что, Косте Киму позвонить, чтобы он тебе задницу надрал?

Охранник усмехнулся.

– Да и Кости Кима уже никакого нет. Переделили все. Теперь директор рынка Ованес Арамаисович. Без его команды вам даже вот эту тощую тараньку не дадут, кто бы вы ни были. Хоть менты, хоть пожарники, хоть санэпидстанция. . . Хотите – мы вас к нему проводим, он как раз на месте.

– Пойдем, потолкуем с твоим Арамаисовичем, – кивнул Васильев.

– Послушайте, ребята, я вам это не советую, – примирительным тоном сказал второй охранник. – Директор с вами долго говорить не будет. Вы ведь из ментовки? Он фамилии запишет и позвонит вашему генералу. А тот уже вас на кулан насадит по полной программе!

Американцы переглянулись. Такие слухи до них уже доходили. Васильев полез за деньгами.

– И правда, зачем нам к твоему Ованесу идти? Он что, поможет нам рыбу выбрать? Давай, Иваныч, сделай набор, как я просил! – и, вздохнув, добавил: – Только икру не клади...

Похожая сцена повторилась и в мясном ряду: мясо на шашлык не взяли, как обычно, а купили. И замечательные розовые помидоры величиной с кулак, и свежайшие, с острыми пупырышками ароматные сладкие огурцы, и перец – как горький, так и красно-желтый болгарский, – все пришлось не брать, а покупать.

Нагруженные пакетами и недовольные, они шли к выходу с рынка.

– Вот суки! – ругался Степанов. – Из-за них почти всю зарплату оставили! Тогда, в лесу, их не было, они свои шкуры не подставляли! А тебя чудом не завалили! Попала бы пуля в грудь – и все! «ТТ» жилет запросто бьет... А могли и в меня попасть – в лицо или в голову. И все! Вот суки!

Было непонятно – кого он ругает? Продавцов? Охранников? Директора рынка? Но они и не должны были прочесывать лес и подставлять шкуры под пули...

– Ты это про кого? – поинтересовался Васильев.

Товарищ выругался.

– А то ты сам не знаешь! Одним все можно, а другим тоже все, но нельзя! Я хотел Аленку икрой побаловать, а теперь с пустыми руками придется заявиться!

Некоторое время они шли молча.

– Ладно, что-нибудь придумаем, – сказал Степанов. – Давай я пойду в контору, а ты занеси продукты Татьяне. Пусть разберется: что в холодильник, что куда... Я скажу Боброву, что ты Любоеда отработываешь...

Васильев жил в обшарпанной пятиэтажной «хрущевке» в новом микрорайоне, который, впрочем, уже успел стать старым – время летит быстро. Чахлые саженцы превратились в большие деревья, дающие тень и насыщающие воздух кислородом, зато дома как-то просели и кое-где пошли трещинами. Отдуваясь, он затащил сумки на последний этаж, постучал ногой в дверь. Татьяна открыла почти сразу. Она была в коротком красном халате и золотистых домашних тапках без задника. Среднего роста, худощавая, с ухоженными рассыпавшимися по плечам волосами, она выглядела не хуже, чем десять лет назад, когда он повел ее в ЗАГС. Только характер изменился. И не в лучшую сторону.

– Чего стучишь? – спросила она. – Ключи потерял? Я педикюр делала, из-за тебя лак смазала...

– Ты же видишь, что я нагружен, как верблюд, – сдерживаясь, ответил Васильев. – Если поставить пакеты на пол, перевернутся и все рассыплется...

– Ладно, заходи, – жена сменила гнев на милость. – Отоварились? Все взяли?

– Почти. Только в этот раз придется обойтись без икры и раков.

– Почему? – недовольно наморщила носик Татьяна.

– На рынке новый директор, новая охрана, новые правила. За уважение теперь никому ничего не дают. Пришлось покупать. И так кучу денег ухлопали!

– Я так и знала! – жена всплеснула руками, как будто он сообщил, что уходит к другой женщине. Круто развернувшись, она ушла в комнату и легла на диван, уткнувшись лицом в подушку. Странно...

Васильев занес пакеты на кухню, пошел следом, погладил Татьяну по плечу.

– Что с тобой?

Она отодвинулась.

– Не хватай меня рыбными руками!

– Подожди, что случилось? Ты прямо убита горем! Из-за чего? Из-за икры?!

Татьяна вскочила и уставилась на него в упор. Если бы взгляды могли испепелять, от супруга осталась бы кучка пепла. В глазах стояли слезы.

– Сегодня я встречалась с Верой Воробьевой, – напряженным, дрожащим голосом сказала она. Так бывало, когда они всерьез ссорились. Да что с ней происходит?

– У нее праздник: Иван подарил новую машину. «Лексус»...

– Это не та крашенная блондинка? – спросил он. – Ну, которая...

– Да, – перебила жена. – Это она. Да. Мы с ней сидели за одной партой. Да. Она у меня списывала. Да. Да. Да... Теперь у нее сплошные праздники. Новая машина, новое кольцо с бриллиантом, недавно они вернулись из Испании, скоро поедут во Францию...

– Ну и что?

– И я пригласила их с Иваном на наш юбилей. Сказала: будем икру есть ложками, будут раки больше, чем эти, как их... Лобстеры. А ни раков, ни икры не будет. Шашлыки. Как десять лет назад жарили, так и сейчас! У той же самой избушки на курьих ножках, которую ты до сих пор называешь дачей! Курятник это, а не дача!

– Подожди, так у тебя истерика из-за этой поганой икры?! – взорвался Васильев. – Когда меня подстрелили, ты меньше расстроилась! Только из-за простреленного пиджака ругалась!

– Я уже привыкла, что с такой работой тебя в любой момент могут убить, а я останусь с Ванькой у разбитого корыта! И так сын тебя не видит, у моей мамы, считай, живет, – теперь Татьяна кричала, не сдерживаясь. – А когда дома, то папы нету: то уже на работе, то еще на работе!

Слезы текли по щекам, и она смахнула их ладонью, размазав макияж по покрытому красными пятнами лицу.

– И тебя не подстрелили, лишь...

– Как не подстрелили? Ребро у меня лопнуло! Хорошо, жилет был! А немного по-другому попало бы – был бы трупом!

– ...лишь хороший костюм испортили, – не слушая, продолжала Татьяна... А он сорок тысяч стоит!

– Так мне же премию дали, – растерянно сказал Васильев.

– К твоей премии еще добавлять пришлось! А вообще хорошо получается: в тебя стреляют, за это дают премию, которой не хватает на испорченный костюм, и ты доволен, работаешь дальше! В другой раз тебя застрелят и опять дадут премию, которой не хватит на похороны!

– Ты опять съехала на мою работу! Знала же, за кого замуж выходила!

– Молодая была, дурная! Сейчас бы еще пять раз подумала!

– И все из-за икры?!

– Да не в икре дело! В жизни дело! Почему Верка живет, как королева, а я как нищенка? И ничего, что я хочу, у меня не получается!

Она заплакала навзрыд.

– Ладно, принесу я тебе этой чертовой икры! – Васильев развернулся и, хлопнув дверью, выскочил из квартиры.

* * *

На место происхождения съехалось все городское и областное руководство, причем не только полицейское – и мэр города, и заместитель губернатора, и чиновники поменьше.

Среди руководства выделялся начальник УВД Виктор Владимирович Козубов – может, из-за генеральского мундира и солидной осанки, может оттого, что он был здесь самым осведомленным: к нему то и дело подбегали подчиненные и сообщали новую информацию, которой он делился только с главными лицами. Каждому вновь прибывшему начальнику поменьше докладывал обстановку начальник уголовного розыска полковник Синеватый – невысокий полноватый человек в гражданском костюме:

– Угрожая пистолетами, они заперли рабочих в вагончике и столкнули машину бульдозером в ров. Потом взорвали дверцу. Инкассаторы получили переломы, у двоих сотрясение мозга, но они живы. Похищено восемьдесят миллионов рублей, но розыскные мероприятия уже начаты, привлечены лучшие силы...

И действительно, здесь собрались почти все оперативники Тиходонска. И начальник городского угрозыска легендарный полковник Коренев по прозвищу Лис, и начальник ОРЧ¹ по разработке оргпреступной среды и преступных авторитетов подполковник Бобров со своими подчиненными.

«Американцы» спустились в ров и вместе со следователем, экспертом и взрывотехником осматривали взорванные дверцы беспомощно лежащего на боку броневика. Васильев провел пальцем по копоти, окружавшей сквозную пробойну на месте замка, понюхал.

– Тротил?

Эксперт-криминалист пожал плечами:

– Это не моя епархия.

– Скорей, похоже на гексоген, – сказал взрывотехник.

– Когда будет точный ответ?

– Дня через два-три, – ответил взрывотехник. – Надо сделать газовую хроматограмму, она точно покажет вид взрывчатки...

– Хорошо.

Степанов и Васильев по лестнице выбрались наверх. Вокруг сновали сотрудники полиции и следственного комитета, в стороне мрачно переговаривались полицейские начальники: гражданское руководство, «отметившись» на месте ЧП, со спокойной совестью вернулось в свои кабинеты. Бывший оперативник Козубов оставался на месте, поэтому и все его подчиненные продолжали изображать активность. За желтыми ленточками ограждения – самым наглядным последствием реформирования милиции в полицию, – толпились зеваки. Их сдерживали патрульные, периодически отодвигающие толпу назад. В вагончике следователи допрашивали рабочих, пытаясь выяснить приметы нападавших, однако значительных успехов в этом деле не достигли: преступники были в масках, к тому же стресс плохо способствует работе памяти.

Начальник районного угрозыска майор Ивашин стоял возле экскаватора, к нему то и дело подходили опера, он выслушивал их, давал указания, и они опять убегали. «Американцы» подошли к коллеге, обменялись рукопожатиями.

– Ну, что у тебя?

– Да ничего! – раздраженно ответил тот. – Подворный обход результатов не дал: или никого не было дома, или были, но спали, а если не спали, то все равно ничего не видели и не слышали... Да и работяги ничего толкового не сказали, хотя видели их вблизи...

Васильев кивнул.

– Обычное дело. Сейчас никто не хочет оказаться в свидетелях.

– И правильно делают, – буркнул Степанов. – Кроме хлопот и проблем это им ничего не даст.

Начальник УР поморщился.

¹ ОРЧ – оперативно-розыскная часть. Далее, для простоты восприятия, именуется отделом.

– Правильно или неправильно, а раскрывать нам. И по голове получать нам. А если на них давить – сами знаете, что получится...

Это все знали. Начнут говорить то, чего от них ожидают. А потом писать жалобы. В результате дело только запутается, а опера опять-таки получают по голове...

– Всех обошли? – спросил Степанов.

– Почти, – кивнул Ивашин. – Ну, может, еще найдем кого-нибудь. Вот, в конце улицы, хозяев нет дома. Может, придут.

– Только если их нет дома, что они видели? – поинтересовался Васильев.

– Сейчас нет, а утром могли быть, – невозмутимо ответил майор. Вряд ли он сам верил в то, что неожиданно объявятся ценные свидетели, мечтающие помочь полиции, но его задача – представить объяснения от всех жителей улицы, а за их содержание он не отвечает. Ну, не видели люди ничего, что мы можем сделать?!

– Ладно, удачи! – «Американцы» снова пожали коллеге руку. – Будет что интересное – отзовись.

– Ладно, – мрачно глянул Ивашин. – Вы будете заниматься?

– Скорей всего, – кивнул Васильев.

– С чего ты взял, что нас подпишут? – спросил Степанов товарища, когда они отошли в сторону.

– Ты ж видишь, что творится, – тот обвел рукой вокруг. – Не каждый день такие нападения. Не районщикам же его раскрывать...

– Ну, я думал, город займется. Или областной отдел разбоев и бандитизма...

Но прав оказался Васильев. К ним подбежал Бобров и скороговоркой выпалил:

– Давайте быстро – генерал зовет!

Козубов встретил их приветливо, поздоровался с каждым за руку. Генерал вообще был демократичным с подчиненными, а уголовному розыску, по старой памяти, откровенно симпатизировал.

– Занимайтесь этим делом, парни, – сказал он. – Больше мне доверить его некому. Корнев выработался, а молодежь еще не подросла. На кону восемьдесят миллионов государственных денег, сами понимаете, какой будет с меня спрос...

Генерал недавно вернулся из отпуска, и его холеное лицо было покрыто ровным, явно не черноморским загаром.

– А я с вас спрошу, да с ваших начальников, – Козубов показал на стоящих рядом и преданно поедающих его глазами Синеватого и Боброва. – Это вам ясно?

– Так точно, товарищ генерал! – за всех отрапортовал Синеватый. И повернулся к «Американцам»:

– Что стоите? Идите, работайте!

– Есть! – четко ответили те, только руки к шляпам не приложили – по нашим уставам не положено. Так же четко повернулись и отошли.

– Я знал, что без нас не обойдутся, – сказал Васильев. – Областники больше контролировать любят, и указания давать.

– Загар у генерала видел? – спросил Степанов. – Видно, в Турции отдыхал.

– Скорей, где-нибудь покруче, – уточнил напарник. – Хотя выезд-то нашему брату запретили...

– Кому запретили, а кому и нет, – буркнул Степанов, осматриваясь вокруг. – Смотри! Он качнул головой в сторону.

– И что?

– Вон там голубятня.

– Так она ж далеко!

– Зато с нее все видно.

– Ну, что ж, пойдем, посмотрим.

«Американцы» пробились сквозь толпу зевак, обошли квартал и зашли на соседнюю улицу. Покосившийся дом с голубятней окружал довольно хлипкий забор с давно не крашенной калиткой и полустертой цифрой «7» посередине. Степанов нажал кнопку звонка. Во дворе залаяла собака.

– Кто? – раздался надтреснутый голос.

– Полиция, – внушительным басом ответил Степанов.

– Сейчас открою.

Через минуту пес перестал лаять, калитка распахнулась. На пороге стоял высокий пожилой человек с растрепанными седыми волосами. Когда-то он имел крепкое телосложение, но сейчас наброшенный второпях, вконец выношенный коричневый пиджак обвисал на плечах. Выцветшие голубые глаза выжидающе смотрели на полицейских.

– Вы случайно не видели, что произошло там? – Степанов показал большим пальцем через плечо. Он не надеялся на положительный ответ и спрашивал для очистки совести.

– Как не видел? – удивился мужчина. – Это же я позвонил в полицию!

– А чего не назвались? – спросил Степанов. – В журнале записано: «Анонимный звонок».

– Да потому, что не хочу, чтоб меня по судам затаскали. И вообще, в наше время лучше не идти в свидетели, особенно по такому делу. И застрелить могут, и дом сожгут...

«Американцы» переглянулись. Старик был прав, но поддерживать такой настрой нельзя. Тем более что им нужно было прямо противоположное решение.

– Ну, почему же, – сказал Степанов. – Во-первых, свидетелям редко мстят...

– Ну, если эта редкость выпадет на меня, то будет не очень весело, – резонно возразил хозяин.

– Как вас зовут? – сказал Васильев.

– Федор Степанович, Игнатов.

– Вот что, Федор Степанович, а давайте вы нам расскажете все без протокола? А если понадобится, тогда уже вас следователь вызовет и допросит.

– Нет, к следователю я не хочу, – ответил Федор Степанович. – А вам здесь могу рассказать. Приватно, конечно.

– Ну, давайте приватно, – усмехнулся Степанов, подивившись, что старик знает столь мудреное слово.

– Я как раз на голубятне был, услышал, вроде как, удар какой-то... Потом оказалось, что это они машину взорвали. Ну, я спустился, подошел, там уже никого не было. Я побежал, позвонил и больше не возвращался туда...

– Ну, а вы видели, кто это сделал?

– Я видел, что там толклись, вроде как, рабочие: черные комбинезоны, каски, на мордах респираторы... Еще подумал: зачем? Вроде от пыли наши люди никогда не берегутся, может подземного газа опасаются?

– А потом что? – поторопил Степанов.

– После взрыва они перетягали мешки, бросили в тачку и побежали за угол. Завернули, а там погрузились в машину...

– Какую машину? – уточнил Степанов.

– А шут ее знает, по-моему, не наша, иностранная. Черного цвета. Не новая – заднее крыло помято справа. Как будто он об столб терянулся...

– Ничего себе! – удивился Васильев. – Как же вы это рассмотрели на таком расстоянии?

– Так я ж в бинокль смотрел, – пояснил Федор Степанович.

– Ну, и что вы еще видели?

– Да больше ничего. Правда, когда они в машину садились, то каски снимали и эти намордники тоже сбросили.

– И что?

– Да ничего, просто двое рыжие были, я еще удивился – в одной банде сразу двое рыжих...

– А сколько их всего?

– Четверо или пятеро, – сказал Федор Степанович. – Нет, точно пятеро. Пятый их потом догнал.

– А в лицо вы их запомнили?

– Да нет, какой в лицо... Разве до того было, чтоб запоминать? Оно все быстро...

– А номер машины?

– Да и номер машины не догадался посмотреть. А может, его и видно бы не было. Она ж низко сидит за заборами, не рассмотришь отсюда.

– Ну, хорошо, – Васильев записал его слова в блокнот, и они попрощались.

– Двое рыжих, – сказал Васильев, когда они возвращались к месту осмотра. – В общем-то, это броская примета.

– Да, сразу двое – пожалуй, – кивнул Степанов. – Может, это Хвосты?

– Слишком просто получается.

– Ты же знаешь, что сложные ограбления бывают только в кино. А для Хвостов это привычная линия...

– В общем, да!

– Тогда давай доложимся Синеватому, и поедем Хвостов отрабатывать.

– Давай.

Доложив начальнику отдела, оперативники поехали в управление, залезли в базу данных, нашли братьев Хвостовых. Судимы за разбойное нападение и грабежи. Цвет волос – рыжий. Освободились недавно: старший полгода назад, а младший и вовсе только два месяца. Проверили, на всякий случай, остальных рыжих подучетников. Их оказалось не очень много, а сразу двоих, которые поддерживали бы между собой какие-то отношения, вообще не было.

– Похоже, след горячий, – сказал Васильев. – Возьмем СОБР, поедем за ними?

– Думаешь, они тебя сидят и ждут? – ответил Степанов. – Надо не так, надо аккуратно проверить адрес, негласно.

– Тоже верно.

– Ну, хорошо. Так и сделаем – пошлем человечка под видом почтальона или сантехника.

– Давай попробуем.

Но в адресе Хвостовых не оказалось.

– Залегли где-то, – Васильев сдвинул шляпу на затылок. – Надо всех «дятлов» поднимать.

– Поднимем, – сказал Степанов. – Только завтра – я на сегодня отстрелялся. Заберешь меня завтра от Аленки? Я машину возле Управы брошу, чтобы не светиться. А если Ольга будет звонить, то я в засаде...

Терминатор неодобрительно покрутил головой.

– Ты, я вижу, на нее всерьез запал.

– Да вроде того...

– Непрофессионально для опера.

Степанов беспечно махнул рукой и улыбнулся.

– Мне уже надоело быть профессиональным. Тем более, что дилетанты процветают!

– Ну-ну, тебе жить...

* * *

Информации было много. Как всегда, когда осведомителей ориентируют на какую-нибудь задачу, они стараются ее выполнить или, по крайней мере, проявить старательность и имитировать выполнение. Поэтому, наряду с полезными сведениями, поступает гораздо больше информационного мусора, а зачастую мусор вообще оказывается единственной добычей, которую получает оперативник. Так было и в этот раз: среди десятков сообщений только единичные могли приниматься в расчет. Два из них привлекли серьезное внимание.

По одному – старшего Хвоста видели с девушкой в кемпинге на восточном въезде в Тиходонск, по другому – оба затаились на Богатыновке в притоне Сани «Беса». Сам хозяин давно отбывал наказание, но его квартирой зачастую пользовались старые друзья, в число которых входили и Хвосты. Обе информации были правдоподобны, поэтому решили одновременно проверить «высветившиеся» адреса. Степанов с группой захвата отправился на Богатыновку, а Васильев поехал в кемпинг.

Кемпинг находился в живописном месте: в роще у озера, неподалеку от аэропорта. В советские времена здесь останавливались иностранные автотуристы. Тогда все они были на счету, как потенциальные шпионы или, в лучшем случае – носители чуждой идеологии, ведущие антисоветскую пропаганду самым фактом своего существования, своими машинами, своими джинсами, жевательной резинкой и бутылками с яркими этикетками. Поэтому их, вместе с развращающими советский народ атрибутами капиталистического образа жизни, размещали на отшибе и возили на экскурсии организовано, в автобусах, с гидом, который освещал их поведение соответствующим органам.

С годами кемпинг утратил свое стратегическое значение и пришел в запустение, но его кто-то выкупил, отремонтировал и дал новую жизнь. Теперь тут останавливались на день-два туристы, командировочные, не нашедшие места в гостиницах центра города, но наиболее часто кемпинг принимал гостей, которые приезжали на несколько часов. Это были влюбленные парочки или просто парочки, которые приезжали заниматься тем, что столь же часто, сколь и необоснованно, называют любовью.

Васильев с отделением СОБРа выгрузился у ворот, бойцы скрытно проникли на пустынную территорию и взяли под контроль десять домиков, стоящих вокруг асфальтированной площади с цветником и небольшим фонтаном. Судя по тому, что на парковке стояли всего четыре машины, постояльцев сегодня было немного. Капитан прошел к администратору и спросил, кто и где живет в подведомственном ему учреждении.

– Так кто... – невысокий, лысеющий толстячок испуганно рассматривал могучую фигуру в черном комбинезоне и бронежилете. – Кто обычно... В третьем домике семья из Красногорска: муж, жена и мальчик лет десяти. В пятом трое спортсменов – их сейчас нет. Во втором – две женщины из Степнянска, у них дела по бизнесу. А в седьмом эти... Ну, парочка, короче, за три часа заплатили...

– А четвертая машина чья? – спросил Терминатор.

– Так это моя...

– Давай ключи от третьего, второго и седьмого, – Васильев протянул огромную ладонь. – А потом незаселенные откроете.

Он натянул маску с прорезями для глаз и рта, приобретя и вовсе устрашающий вид. Может быть, поэтому администратор возражать не стал, хотя все его существо выдавало явное нежелание ввязываться в предстоящие события.

– Двое со мной в седьмой домик, по двое в третий и второй, – сказал Васильев в рацию. – Контролируйте тыльную сторону, чтобы никто в окно не выпрыгнул.

– Принято, – ответил старший боевой группы, и черные фигуры выдвинулись по обозначенным точкам.

Деревянные ступени поскрипывали, это раздражало. Васильев поморщился и, осторожно вставив ключ, бесшумно повернул. Потом ударом распахнул дверь и, выставив пистолет, ворвался в комнату.

– Лежать! Руки вверх!

– Лечь, руки за голову! – привычно прогремели собры, врываясь следом.

Но тут и так все лежали. Мужчина средних лет и молодая брюнетка, голые, раскинулись на смятых простынях.

Мужчина испуганно вскочил, демонстрируя пивной живот и складки на боках, поднял руки, потом послушно лег на пол и положил ладони на затылок. Он быстро и правильно выполнял команды: то ли имел опыт подобных ситуаций, то ли видел много кинобоевиков. Девушка осталась в постели, руки не поднимала, только натянула на себя простыню. Она не казалась очень испуганной.

– Предъявите доку... – Васильев осекся.

Девушкой оказалась Алена! Он видел ее несколько раз, когда забирал от нее Степанова. Однажды они ее подвезли. И хотя помнил он Алену не очень хорошо, но сейчас ошибиться было невозможно.

«Черт, вот дела! – подумал Терминатор. – Лицом к лицу в такой ситуации!»

Впрочем, он тут же вспомнил, что в черном комбинезоне и маске его не то что Алена, но и жена родная не узнает.

– Предъявите документы, девушка, – прокашлявшись для виду, продолжил он.

Прижав простыню к груди, Алена встала, прошла к креслу, где лежала ее смятая одежда, и полезла в сумочку. Сзади она была обнаженной: длинные волосы рассыпались по белой прямой спине, узкая талия, округлые бедра, красивые ноги. На ягодице цветная татуировка – пчелка, летающая над цветком.

«Хорошо, что Степанов сюда не поехал! Пристрелил бы ее, к чертовой матери. Или его. А может, обоих...»

– Вот, – целомудренно прикрывая грудь и живот простыней, она протянула паспорт.

«Может, просто похожая девчонка? Или сестра-близнец?»

Он заглянул в документ. Нет, никакой ошибки нет: «Сизенко Алена Владимировна». Васильев вернул паспорт, потом спросил:

– А этого? – и указал на лежащего на полу голого кавалера.

– У меня в пиджаке, – приглушенно сказал он снизу.

Пиджак висел на стуле, возле стола.

– Выньте сами, – приказал Васильев Алене.

Та вынула паспорт, он раскрыл, просмотрел внимательно. «Иван Семенович Косоногов». Эта фамилия ему ни о чем не говорила, и Степанов никогда ее не вспоминал. Значит, он не из круга общих знакомых. Ни фигя себе – ему уже под пятьдесят! На всякий случай капитан запомнил адрес прописки.

– Сверяем личность с фотографией! – схватив гражданина Косоногова за редкие волосы, Терминатор задрал ему голову, заглянул в лицо. Будто из рыхлого белого теста, перекошенный рот, бесцветные глаза...

– Похож! – он отпустил проверяемого, в руке остались несколько мягких выцветших волосинок.

Брезгливо отряхнувшись, он вернул паспорт Алене.

– Документы в порядке, извините за беспокойство, – галантно сказал капитан, и вышел. Собровцы вышли за ним.

– Что это она с таким старым? – спросил один.

– Старый, значит, денежный, – философски сказал второй. – А может, ее начальник, значит, по работе выгоды... Да разве это первый случай? Такое часто бывает...

Проверка других домиков положительных результатов не дала. Когда Васильев вернулся в город, то оказалось, что и на Богатыновке никого не нашли.

– Впустую день прошел! – сетовал Степанов. Они зашли в кафе пообедать, сели за столик у окна, взяли салаты, чебуреки, компот. – Там близко никого похожего не было: я всех соседей обошел... Чего ты молчишь? И чего такой хмурый?

Васильев чувствовал себя неловко. Он не знал, как себя вести: рассказать товарищу о своей неожиданной встрече или умолчать о ней? Люди не любят, когда про них узнают нечто такое, что рушит их надежды, пачкает светлые чувства, выставляет в глупом свете, поэтому Степанову вряд ли понравится сегодняшняя новость. К тому же он сильно огорчится. Очень сильно. И неизвестно, как себя поведет... Нет, лучше отложить разоблачение на потом... Может, удастся его как-то подготовить, а может, он сам к ней охладет, и тогда вопрос рассосется сам собой...

– Да потому, что у меня на сегодня другие планы были, – с досадой сказал Васильев. – И все псу под хвост.

– Хвостам под хвост, – пошутил Степанов.

– Хорошо, что ты туда не поехал. Через весь город тащились, да в пробках стояли...

– Да, выходит, мне повезло! – засмеялся Бэтмэн.

Возможно, это было правдой.

Глава 3. Полицейские и бандиты

Стометровая дача на крутом правом берегу Дона, конечно, не соответствовала современным стандартам отдыха на природе. Она досталась Васильеву от родителей, он отделал фасад байрамиксом, сделал ремонт внутри, провел газ и воду, поставил котел, пристроил туалет и душ – получился симпатичный двухэтажный домик со всеми удобствами, которым он одно время даже гордился. Но наступили другие времена – по сравнению с теми коттеджами, которые имели многие чиновники, бандиты и сослуживцы, этот домик представлялся вольером для домашних любимцев – собак, голубей, павлинов... Так что определенные основания называть его курятником у Татьяны имелись. Впрочем, некоторые из богатых вольеров были побольше... Правда, скромный вид дачи компенсировался прекрасным видом на величаво текущий внизу Дон, привольное задонье, раскинувшееся до самого горизонта – с его бесконечными полями, зелеными рощами и лесопосадками, естественными озерцами и искусственными прудами, в которых разводили огромных карпов и толстолобиков, если, конечно, они доживали до соответствующего возраста и размеров, избежав удочек приезжающих из города и купивших билет на почти верную удачу рыболовов.

Как и положено, хозяева приехали заранее. Васильев выставил на стол восьмисотграммовую банку с севрюжьей икрой. Стоила на рынке она шестьдесят тысяч рублей, но он, конечно, за нее не платил. Раз на рынке перекрыли дорогу к бесплатным деликатесам, полицейский нашел другие пути. Он наведася к «Зорькому» – своему старому осведомителю, который уже отошел от дел, но занимался тем, что ловил сеткой рыбу, то есть браконьерил, хотя и в небольших размерах. Васильев его вроде бы как крышевал, хотя повода вмешаться и защитить своего бывшего агента у него не было – никто его и так не трогал. Тем не менее, когда Васильев обратился к нему, «Зорький» охотно (по крайней мере, внешне) выполнил заказ, представив в срок и икру, и сотню отборных раков.

Когда Васильев поставил перед женой вожделенную банку, Татьяна растаяла, поцеловала его в щеку и прижалась всем телом. Такие проявления нежности случались нечасто, поэтому супругу они были приятны, и он сразу воспрял духом. Татьяна принялась накрывать на стол, а муж варил раков. Вскоре приехали Степанов с Ольгой. Когда-то, на выпускном вечере института МВД, они познакомились с Ольгой и Татьяной – студентками педучилища, приглашенными руководством на праздник для «разбавления» мужского коллектива.

Стали встречаться, особо выраженных симпатий, вроде бы, никто ни к кому не проявлял, и о женитьбе, опять-таки, вроде бы, не помышляли. Но через год, когда Степанова прикомандировали к московской СОГ², работающей по серьезной банде в Рязани, Васильев и Татьяна подали заявления в ЗАГС. Когда он вернулся и узнал об этом, то ничего не сказал, но тут же сделал предложение Ольге. Свадьбы они сыграли вместе и в один день, ибо гости у каждой пары были одни и те же. Только несколько лет спустя, когда опера после очередного задержания, снимая стресс, хорошо выпили, Степанов сказал:

– А ведь ты знаешь, это я хотел на Татьяне жениться... И когда в Рязани был, думал: пора обзаводиться семьей, вот вернусь и сделаю ей предложение...

– А чего ж ты тогда на Ольге женился? – спросил товарищ.

– Да чтоб не отставать. И Ольгу обижать не хотелось: она ж, небось, тоже ожидала...

Когда-то подружки выглядели практически одинаково, но Татьяна больше следила за собой, всегда была более ухоженной, со вкусом одетой, насколько позволял небогатый бюджет. А по прошествии десяти лет они уже не были похожи. Ольга располнела, подурнела, в то время как Татьяна оставалась в прекрасной форме и даже еще больше расцвела. Недаром

² СОГ – следственно-оперативная группа.

говорят, что есть женщины, которые в тридцать пять выглядят лучше, чем в шестнадцать. К тому же Татьяна окончила университет и работала в пединституте, а Ольга дальше учиться не стала и преподавала в начальных классах школы. И детей у них почему-то не было.

– Ну, что? – сказал Степанов. – Где остальные гости?

– Приедут.

Ольга стала помогать Татьяне. Они накрывали стол во дворе на специально замощенной площадке. Все-таки на воздухе проводить время лучше, чем в доме, тем более что в небольших комнатках негде было особенно развернуться. Вскоре приехали еще несколько пар. Это были старые знакомые, друзья Ольги и Татьяны – соученики по педагогическому училищу, и несколько сокурсников «Американцев», которые давно променяли полицейскую службу на то, что сейчас называется бизнесом. Задерживалась только Вера Воробьева, хотя она со своим Иваном и была центральной гостьей. Во всяком случае, для Татьяны. Она все хотела хоть в чем-то переплюнуть свою школьную соученицу, показать, что она, в общем-то, не отстает от нее в жизни.

Опоздавшие гости приехали на сорок минут позже. Их привез водитель на черном внедорожнике. Вера была одета в фирменное платье с открытыми плечами и большим вырезом, дорогие босоножки на «шпильке», и выглядела весьма эффектно. А ее муж в кремовом летнем костюме, белой рубашке с красным галстуком и в красных туфлях казался настоящим франтом из модного журнала. Киноактер, да и только!

Когда они вошли в калитку и подошли поближе, Васильев оторопел: Иваном оказался кавалер Алены из загородного мотеля! Когда тот лежал голым на полу, он его толком не рассмотрел. Сейчас Иван выглядел моложе своих сорока девяти лет. Костюм из тончайшего, почти прозрачного льна скрыл живот и облагородил бочкообразную фигуру, лицо уже не казалось вылепленным из сырого теста – на нем играли краски жизни. Этаким справный моложавый мужичок, среднего роста, немного рыхлый, с редкими светлыми волосами и выцветшими глазами, которые быстро обшаривали все вокруг.

– Иван! – он протянул руку и, перехватив слишком внимательный взгляд хозяина, дружелюбно улыбнулся. Он был похож то ли на проходимца, то ли на номенклатурного работника – важные манеры, вальяжное поведение и умение сходить с людьми, которое необходимо и тому, и другому. Васильеву очень хотелось дать ему в морду, но начинать торжество с этого было нельзя, и он сдерживался, отстраненно наблюдая, как Иван с шутками и прибаутками поздравил «молодых», выложил на стол металлическую килограммовую банку иранской икры, поставил бутылку коньяка «Remy Martin». Принесенные дары резко контрастировали с тем, что стояло на столе: водка «Белая березка», колбаса, сыр, украшением должна была стать с трудом добытая Васильевым икра, но сейчас она как-то сразу утратила свое значение, теряясь на фоне иранского великолепия.

– Ой, – растерянно сказала Татьяна. – Зачем это? У нас же все есть!

– Ну, как? – ответила Вера, покровительственно улыбаясь. – Ты же сказала: икру будем кушать. А такую – самодельную, с базара, есть опасно, там ботулизм может быть. Я Ивану сказала, вот он хорошей и достал!

После этих слов, конечно, хозяйскую икру можно было убирать со стола. Васильев бросил на Верку такой взгляд, что если бы он действительно был Терминатором, то испепелил бы на месте, и вторая кучка пепла просыпалась бы на серую пыль, оставшуюся от ее любвеобильного супруга. Иван ничего этого не замечал, он со всеми перезнакомился, рассказывал анекдоты, в общем, вел себя как рубаха-парень.

Когда сели за стол и начались здравницы, оказалось, что он не такой молчаливый, каким был в кемпинге, напротив – самый бойкий и красноречивый. Первым произнес какой-то витиеватый кавказский тост и поздравил «молодых» от всего сердца. Как-то незаметно в центре внимания оказались не «молодожены», отмечавшие юбилей, а Иван и Вера. Именно

вокруг них концентрировалось внимание присутствующих. Они оживленно поддерживали разговор. Вера рассказывала о путешествиях, о том, какой дом они строят, в общем, о своей обеспеченной полноценной жизни. Иван слушал, улыбался, иногда призывал жену к скромности и говорил, что хвастать нехорошо, но было видно, что он гордится собой и знает: все понимают, кто именно создал Вере такую замечательную жизнь.

Но по мере того, как опьянение брало свое, лоск вежливости и доброжелательности слетал с него, как шелуха с арахисовых орешков. Иван перешел на «ты» со всеми мужчинами, снисходительно похлопал по плечу Степанова, а это было все равно, что дернуть за хвост льва в зоопарке. Впрочем, пьяные проделывают и, такое, а о последствиях потом пишут все газеты страны. Но в отличие от льва, Бэтмэн мог до поры до времени сдерживать свои инстинкты. Он только посмотрел выразительно на бойкого гостя, и тот тут же убрал руку.

Вскоре выпили коньяк, выпили водку, съели почти всю иранскую икру. В перерыве, когда мужчины вышли на косогор покурить, Степанов отозвал напарника в сторону:

– Слушай, а что это за хмырь? Чем он занимается?

– Иван-то? – ответил Васильев. – Да толком я не знаю. Судя по рассказам, каким-то бизнесом.

– Надо будет его проверить, – сказал Бэтмэн. – А то с таким счастьем – и на свободе! Похоже, у него оружейный или наркотический бизнес...

– Вижу, он тебе тоже не понравился.

– Не то слово!

– Хочешь, я скажу тебе, кто ты такой?! – вдруг раздался громкий голос Ивана. Он держал за рубашку Сеню Хилобока – мужа Татьяниной подруги и, приблизив лицо, смотрел на него, как удав на кролика.

– Ты никто! Особенно по сравнению со мной!

– Почему? – Сеня пытался высвободиться и обескураженно поправлял очки. – Я старший конструктор, руководитель группы! У меня четыре изобретения...

– Ну, и хрен тебе цена! – разнузданно закричал Иван. – Ты никто! Обычное серое говно!

– Почему ты так себя ведешь, уважаемый? – встрял Степан, бывший соученик «Американцев», и ловко оторвал руку Ивана от рубашки Сени, показывая, что не забыл давно изученного приема «освобождение от захвата». – Мы же в гостях, на торжественном событии...

«Американцы» переглянулись.

– Ну, что? – спросил Степанов. – Проучим его, как Гувер того гангстера из Чикаго?

Они часто вспоминали действия и поступки героев любимого фильма, и Васильев сразу понял, о чем идет речь – лос-анджелесский полицейский забрал из ресторана заезжего чикагского гангстера, отвез на скалу и сбросил вниз. Скатившись несколько сот метров по склону и вывалившись на дорогу, окровавленный бандит приходил в себя, а подъехавший в лимузине полицейский предупредил:

– Имей в виду, каждый раз, когда ты будешь приезжать в Лос-Анджелес, то уезжать будешь через скалу Малхолланд, отсюда каждый раз будет начинаться твой путь в аэропорт!

Эта сцена обоим очень понравилась, они посчитали ее убедительной и имеющей большое воспитательное воздействие. Но повторить ее в жизни до сих пор не довелось, и сейчас подворачивался как раз такой случай. Васильев кивнул.

Тем временем пьяный гость продолжал бушевать.

– А ты кто такой? – он толкнул Степана в грудь. Иван явно был настроен на драку. Но «Копы» из особого полицейского отряда лейтенанта Гувера уже подошли вплотную.

– Раз! – Васильев схватил нарушителя спокойствия под мышки, рванул на себя.

– Два! – Степанов сделал подсечку и схватил за ноги.

– Три! – они понесли его к обрыву.

Иван ругался матом и отчаянно пытался вырваться, но это было совершенно бесполезно. Подтащив извивающееся тело к довольно крутому склону, «Американцы» принялись синхронно его раскачивать.

– Четыре! – описав дугу, грузное тело, упакованное в модный костюм, грохнулось оземь и покатилося вниз.

Пока все шло точно как в фильме или, по крайней мере, очень похоже. Но на склоны скалы Малхолланд окрестные жители не выбрасывали мусор, а безымянный спуск к Дону был покрыт скопившимися за десятки лет тоннами бытовых отходов. Поэтому прокатившись метров пять, Иван застрял в мягкой массе, поднялся на ноги и, иногда падая на четвереньки, принялся подниматься назад.

– Не вышло! – сказал Степанов.

– Может, это и к лучшему. Мы, хотя и полицейские, но не американские! Те запросто ссорятся с военными, ФБР, Агентством по атомной энергии, суют нос в их секреты... Нам и за меньшее головы открутят!

– Это точно! – согласился Степанов.

Иван, наконец, выбрался наверх. Его шикарный костюм был весь покрыт пятнами, порван в нескольких местах, к нему прилипла яичная скорлупа, картофельные очистки и прочая гадость. На лице и в волосах тоже был мусор. Да и пахло от него соответственно. Степан, Сеня и остальные хохотали до слез.

– Вы мне ответите! – хрипло закричал он, грозя «Американцам» кулаком. – Думаете, если вы менты, то вам все можно?! Да я на вас плевал! Я всех ваших начальников знаю! Я с генералом водку пил, с прокурором! Я вас выгоню в два счета и посажу! Я вас найду, как ни прячьтесь!

– Кто от тебя прячется? – презрительно спросил Бэтмэн и подошел вплотную. – Вот он я – капитан Степанов. Ну, и что дальше?

Иван оборвал очередную угрозу на полуслове и замолчал, как будто ему в рот вставили кляп. Постоял, что-то соображая, потом сорвал с шеи галстук, бросил Степанову под ноги, повернулся и, пошатываясь, пошел прочь.

– Вот и правильно, иди проспись! – крикнул вслед осмелевший Сеня Хилобок. Но Иван даже не обернулся.

Мужчины вернулись к дамам.

– А где мой муж? – спросила Воробьева. Она разругалась от выпитого и находилась в прекрасном настроении.

– Он упал с обрыва и испачкался, – ответил Сеня, и это была почти чистая правда, хотя и не вся. А потом симпровизировал:

– И пошел переодеваться.

– Шофера вызовет, тот его быстро отвезет и привезет, – кивнула Вера. – Я ему всегда говорю: не напивайся, ты становишься другим человеком!

– Пьяный не становится другим, он просто проявляет себя настоящего, – сказал Васильев под подозрительным взглядом Татьяны. – Если он трезвый говно, но маскируется, то напившись, перестает маскироваться, и всем все видно!

– Это кого вы имеете в виду? – приготовилась оскорбиться Вера.

– Вы его не знаете, – улыбнулся Васильев. – Давайте лучше танцевать!

Начались танцы, и карусель веселья закрутилась по второму кругу. Ивану быстро нашлась замена: Сеня рассказывал анекдоты, женщины заразительно смеялись, Степанов пригласил танцевать Татьяну, и опьяневший Васильев ревниво смотрел, как он прижимает ее к себе.

– По-моему, там уже не талия, – сказал он, подойдя и, отстранив Степанова, занял его место.

– Ну, вот тебе, еще ревности не хватало, – сказал Степанов. – Пойдемте лучше к столу. Татьяна тоже не захотела танцевать с мужем и высвободилась из его объятий.

– Правильно, пора чай подавать.

В общем-то, можно сказать, что повеселились неплохо, хотя у Васильева остался неприятный осадок. Иван, как и следовало ожидать, не появился, но про него никто и не вспоминал. Веру взялся отвезти в город Степанов. Перед тем, как сесть в машину, он сказал напарнику:

– Как думаешь, почему этот хмырь заткнулся, когда услышал мою фамилию?

– Не знаю, – ответил Васильев. – Может, он слышал, какой ты крутой. Тебя ведь все блатные знают, слухи по городу гуляют...

– Ты же тоже крутой, и тебя бандюки знают. Но на тебя он пер, как на амбразуру!

– Не знаю, – повторил Васильев. Хотя определенные соображения у него имелись.

Когда гости разошлись, Татьяна печально сказала:

– Завидую я Верке, благодаря Ивану она живет полнокровной жизнью, а у меня каждый день – будни. Так и вся жизнь пройдет, без праздников и воскресений...

Васильев ничего не ответил, и только тяжело вздохнул. У него были кое-какие аргументы для спора, но оперативнику не привыкать держать секреты в себе.

– Это не ты толкнул его с обрыва? – вдруг спросила жена. – Самому свалиться туда сложно...

– Конечно, нет! Зачем мне это делать?

– Из зависти!

– Я?! Ему?! – Васильев замолчал, махнул рукой и снова тяжело вздохнул.

На следующий день, прямо с утра, Васильев проверил заинтересовавшую его пару. Биография Алены Сизенко была короткой и простой: родилась в райцентре Степнянке, после школы приехала в Тиходонск, окончила курсы парикмахеров, некоторое время работала по специальности, потом несколько лет подряд безуспешно поступала в педагогический институт, под предлогом занятий из парикмахерской ушла... Никаких компромат-материалов на нее не имелось.

Другое дело Иван Косоногов! В семнадцать лет судим за грабеж, отбыл два года в ВТК³, в двадцать пять получил четыре года за вымогательство, освобожден через два условно-досрочно, в тридцать один – три года за мошенничество, вышел через год... Повинуясь интуиции и опираясь на знание закономерностей оперативной работы, Васильев проверил Косоногова по картотеке осведомителей. Он не ошибся: Иван Косоногов под псевдонимом «Невидимка» состоял на связи у оперуполномоченного Центрального РОВД Звонарева. Это и объясняло его относительно мягкие приговоры, и досрочные освобождения! После увольнения Звонарева «Невидимка» продолжать сотрудничество не пожелал и был исключен из списков негласных помощников. Последние годы господин Косоногов возглавлял несколько разнопрофильных фирм, которые лопались одна за другой, против директора возбуждались уголовные дела, но до суда ни одно так и не дошло...

Вот тебе и муж счастливой Веры Воробьевой! Вот тебе и образец для подражания! Ну, и устрица! – Васильев чуть не сплюнул прямо на пол.

* * *

Ресторан «Адмиральский причал» расположен на Левом берегу Дона, в той его части, которая с давних времен зовется Левбердон, и это название не просто отражает его географическое положение, а имеет особый смысл, подразумевающий место отдыха и развле-

³ ВТК – воспитательно-трудовая колония.

чений. Когда-то в эту фразу обязательно добавляли слово «сомнительных». Застроенная базами отдыха, с несколькими шашлычными и ресторанами, зеленая территория Левого берега действительно расслабляла, располагала к выпивке и случайным половым связям, поэтому в строгие советские времена развлечения здесь считались сомнительными, в отличие от посещения филармонии, театра или, на худой конец, стадиона. Но с тех пор Земля много раз обернулась вокруг Солнца, тысячи календарных страниц сгорели в мусоросжигающих печах, изменился общественно-политический строй и моральные оценки. В частности, то, что называлось «случайными половыми связями», теперь превратилось в самый обычный и вполне естественный секс, заниматься которым никому не возбраняется. Знаменитые «Бочка», «Шалаш», «Дон» потеряли известность и притягательность, оттесненные на задний план доброй сотней новых ресторанчиков с кухней на любой вкус. А «Адмиральский причал» сохранился, выделяясь среди множества конкурентов, как респектабельное место дорогого, элитного отдыха. Правда, понятия респектабельности и элитности с тех пор тоже сильно изменились.

В ресторане было многолюдно, на автостоянке, отблескивая лакированными бортами, теснились люксовые иномарки. «Адмиральский причал» располагался прямо на берегу, здесь солидные уважаемые люди принимали солидных уважаемых гостей, чтобы непосредственно в центре донской природы продемонстрировать известное южное гостеприимство. Одна компания сидела на расположенной над водой веранде. Очевидно, это были очень солидные и чрезвычайно уважаемые люди, потому что у входа на веранду стояла на длинной ножке тяжелая бронзовая табличка «Резерв», сменившая в эпоху толерантности хорошо известную в советские времена надпись «Мест нет». Впрочем, в сознании простых советских, а ныне российских граждан и заграничный «Резерв» и отечественное «Мест нет» означало посыл по столь же известному, сколь и привычному, адресу из трех букв. А чтобы лучше донести содержание таблички до неграмотного, пьяного или наглого и не признающего ограничений посетителя, рядом с ней стояли два могучих охранника в черных костюмах, лица которых обладали высокой степенью убедительности. Они беспрепятственно пропускали только официантов, которые наперегонки носили многочисленные блюда: тройную царскую уху, запеченного осетра, лещей по-казачьи с капустой в брюхе, фаршированных собственной икрой судаков, бараний шашлык на косточке и из мякоти...

Посередине веранды, за единственным, накрытым крахмальной скатертью столом, сидели семь человек: с одной стороны худошавые гости Пулат и Урман – аккуратные, в белых брюках со стрелками и выглаженных белых рубашках, которые подчеркивали смуглость кожи, напротив хозяева – похожий на гранитный памятник бригадир речпортовских Корнилов и его правая рука – бугрящийся мышцами культуриста Ярема.

В торце важно восседал еще один гость, который гостем не выглядел. Значительно старше остальных, грузный, седой, с обвисшими щеками, в просторных мятых штанах и желтой хлопчатобумажной майке, он держался так, будто являлся нефтяным магнатом, который может позволить себе выглядеть так, как считает нужным. В отличие от многих современных фуфлометов, которые колотят понты, ничего не имея за душой, основания для этого у него были.

В криминальном мире России «законник» Фома Московский был хорошо известен и пользовался немалым авторитетом, благодаря чему постоянно разъезжал по стране и ближнему зарубежью в качестве «разводящего» всевозможные непонятки или третейского судьи по крупным денежным спорам. Надо сказать, что его решения, в отличие от государственного арбитража, исполнялись быстро и в полном объеме. И сейчас он не просто предавался чревоугодию, а в очередной раз выполнял ответственную миссию, которая, как и все остальные, должна была принести немалый доход.

– Я хочу выпить за хозяев этого стола, – поднял рюмку «законник». Припухшие веки делали его глаза узкими, щеки лоснились, поэтому узбекским гостям он напоминал важного и властного бая. Принятая на востоке цветистая речь усиливала впечатление.

– Честно скажу, я сживал за многими столами. И у вас в Узбекистане...

Он учтиво наклонил голову в сторону Пулата и Урмана.

– ...и на Волге, и на Байкале... Но такого стола я не помню. Он накрыт щедрыми, хлебосольными, хорошими людьми, и я не ошибся, порекомендовав их для совершения серьезной сделки. Давайте, за наших местных друзей!

Они чокнулись и выпили. Собственно, от души опустошили рюмки только сам Фома и Корнилов – остальные пригубили и поставили на место. Несмотря на то, что все наелись от души и немного выпили, несмотря на учтивые манеры, добрые слова и белозубые улыбки, атмосфера была довольно напряженная. Слишком многое стояло на кону. Хотя сумма еще и не озвучена, но все ее прекрасно представляли. А большие деньги – большой соблазн. И большой риск. Ибо большие деньги пахнут смертью.

Урман промокнул губы салфеткой и перешел к делу.

– Уважаемые друзья! Мы собрались, здесь, за этим великолепным столом, чтобы обсудить один, но важный вопрос... Нас свели вместе очень уважаемые люди. У нас хорошо знают и уважают достопочтенного Фому, правильного пацана из старой гвардии. Сейчас таких уже нет. А это значит, что мы можем здесь говорить совершенно открыто, ничего друг от друга не скрывая.

Речпортовские тяжело облокотились локтями на стол и внимательно слушали. Конечно, они, в общем, знали, о чем пойдет речь. Но главное им предстояло обговорить сейчас.

– Мы собрались здесь для того, чтобы совместно открыть новое дело, – с расстановкой продолжал Урман. – Мы можем поставлять в ваш чудесный город высококачественную дурь, причем разных видов. Дело это, конечно, серьезное, но и очень прибыльное...

Это и было то «общее», что знали речпортовские. Теперь оставалось главное – конкретика.

– Чья доставка? – спросил Корнилов.

Урман развел руками.

– Кто везет, тот больше рискует. Это на цене отражается. Возьмете в Москве – дешевле будет. Привезем к вам – дороже.

Фома внимательно слушал и кивал головой, как бы подтверждая, что узбек говорит правильно. Но это и так все знали.

– Пусть будет первая доставка ваша, – сказал Корнилов. – Когда вы можете начать? Вес партии? Цена?

– Нас интересует продолжительное сотрудничество, – сказал Урман. – Сейчас можем вам предложить... пять килограммов. Срок поставки – неделя, десять дней. Потом по мере потребностей. Но, повторяю: постоянно, без перерывов... От заказа до поставки неделя, может когда на день-два задержимся, но предупредим обязательно. Устраивает такая схема?

Урман впился испытующим взглядом в непроницаемое лицо Корнилова. За столом наступила тишина, было слышно, как плещется донская волна под деревянным полом веранды да с другого конца огромной, утопающей в зелени территории доносился приглушенный шум оркестра. Дул прохладный ветерок, скрипели под ногами доски. Они подошли к главному.

– Сколько вы хотите получить за первую партию? – ровным тоном спросил Корнилов.

– Три лимона, – буднично ответил Урман.

– Зеленых?

Узбек покачал головой.

– Нет, европейских рублей. В рознице вы поднимете втрое больше. А если бодяжить, то и впятеро!

Снова тишина за столом.

Сумма названа, размер сделки определен. Большой соблазн. Очень большой! Потому такая напряженная атмосфера за вроде бы дружеским столом. Потому с каждой стороны стола облокотилась на перила охрана – за узбеками четверо и за речпортовскими трое. И за спиной Фомы стоит человек в черном костюме, еще двое вход охраняют, да двое на стоянке, в машине. Вот оно как – еще не появились ни товар, ни деньги, а доверия уже нет!

Охранники, в отличие от переговорщиков, дипломатических тонкостей не придерживаются: для них чужие – враги! Вот они и рассматривают исподволь друг друга вроде бы безразличными взглядами, примеряются, прикидывают... Речпортовские будто скроены по одному лекалу – крупные, широкоплечие, с расплюснутыми носами и короткими стрижками. Узбеки выглядят не так внушительно – вроде как борцы легкого веса против супертяжей.

– Хлипкие они какие-то, – говорит один из речпортовских. – Я любого на раз сделаю! И чего все так вырядились? Не на концерт пришли. На белом и кровь и грязь заметней!

– Тише, Карась! – предостерегает товарищ. – Тут слова далеко разносятся...

Карась презрительно выпятил нижнюю губу.

– И что с того, Весло? Обидятся? На кулаки вызовут? Так я против всех могу выйти!

Весло пожимает плечами.

– Ты неправ, брат! – вмешивается третий охранник. – Тут главное не сила, а дух. Мне приходилось с азиатами встречаться – серьезные пацаны!

– Сейчас проверю, Гора, – усмехается Карась, отрывается от перил и обходит стол, направляясь к узбекам. Те стоят в прежних позах, только выжидающе смотрят на возможного противника.

– Здорово, пацаны! – говорит Карась, приближаясь. От него исходит волна агрессивности и силы. Глаза нагло блестят. – Или у вас положено по-другому здороваться?

– Да нет, – спокойно отвечает один из четверки – высокий, с поломанными ушами борца. – Кто как хочет, так и здоровается...

– Ну, ладно, – Карась достает пачку сигарет, вставляет одну в рот, перекатывает из угла в угол. – Спички есть? А то зажигалка чего-то не фурычит...

Он несколько раз щелкает разовой пластиковой зажигалкой, и та каждый раз отзывается сине-красным огоньком.

– Извини, не курим, – говорит узбек. Лицо его ничего не выражает. И поясняет:

– Спортом занимаемся.

Карась смеется и покровительственно треплет его по плечу.

– Это правильно. Здоровье беречь надо. Вот, держи подарок!

Речпортовский вкладывает зажигалку в твердую, словно деревянную, ладонь узбека.

– Вдруг огонь понадобится, а спичек нет!

Улыбаясь, он пристально рассматривает борца, тот не отводит глаз. Некоторое время они давят друг друга взглядами, как будто сцепились ладонями – кто кого положит. Карась моргнув первым, недовольно дернул уголок рта.

– Спасибо, – вежливо отвечает узбек. У него спокойное лицо, спокойный взгляд, спокойный голос. – Буду плов готовить, тебя вспоминать буду...

Карась разворачивается и тем же путем, обходя по дуге стол, возвращается на свое место. Внимательно наблюдавший за ним Фома и его охранники переводят дух. А Урман с Пулатом, хотя не поворачивали головы, но заметно напряглись, и только когда Карась вновь появился в поле зрения, расслабились. Корнилов одарил своего бойца тяжелым взглядом, и Ярема недобро скривился.

Виновник этого бесшумного переполоха как ни в чем не бывало вернулся на место и подмигнул приятелям.

– Слабаки они, на понтах сидят!

Весло и Гора осуждающе переглянулись.

– Ты, Карась, и был безбашенный, а теперь совсем оборзел! Зачем ты их дразнишь? Они о миллионах базарят, а ты лезешь!

– А чего я лезу? – оскалился Карась. – Я брателле зажигалку подарил. На память.

– Вот Корнилов тебе вложит памяти...

Тем временем за столом разговор возобновился.

– Что приуныли, братва? – задушевно спросил Фома и улыбнулся. – Местный к приезде закурить подошел, а вы уже застремались? Конечно, с одной стороны, понять вас можно. Вы еще вместе не работали, о первом деле договариваетесь, а в голове всегда дурные мысли бродят – дескать, как бы не кинули! Так?

Высокие договаривающиеся стороны промолчали, но лица их разгладились, на губах появились улыбки. Законник попал в самую точку!

– Только я ведь здесь не просто так сижу! Знаете, сколько я таких «стрелок» провел? Сколько бригад свел и на рабочие рельсы поставил? Первый раз, действительно, братва опасается. А потом все идет как по маслу! Так что давайте, обговаривайте все, а дурные мысли из головы выкиньте!

– Все правильно уважаемый Фома сказал, – кивнул Урман. – И беспокойство есть, и опасения. Они всегда в нашем деле бывают, плохих примеров много...

Действительно, плохих примеров собравшиеся знали предостаточно. И понимали, что если произойдет «кидок», то Фома Московский, при всем своем авторитете и значимости, не загородит их от пуль своим массивным телом. Но произносить это вслух было нельзя, поэтому переговорщики выполнили дипломатический ритуал и заверили друг друга, что участие Фомы делает предстоящую сделку абсолютно безопасной и они полностью доверяют своим новым партнерам, с которыми, после уточнения всех деталей, они проведут и эту сделку и ряд последующих, которые приведут группировки к богатству и процветанию.

– По цене вопросы есть? – спросил Фома, когда ритуал был закончен.

Корнилов посмотрел на Ярему, поиграл задумчиво желваками, кивнул:

– Цена нас устраивает. Мы согласны.

– Ну, значит, ровно идем! Поехали дальше!

– Сегодня суббота, значит, давайте в следующее воскресенье. Двое с нашей стороны, двое с вашей, – сказал Урман. Лицо его было покрыто оспинами, но при слабом освещении это не бросалось в глаза.

– По две машины, по два охранника, место и время сообщите заранее, уважаемый Фома должен его одобрить.

– Годится! – кивнул Корнилов. – А место я вам прямо сейчас скажу: от неработающего моста на юг полтора километра, там памятник – Тачанка. Это рядом – пятнадцать минут езды. А время обговорим позже, когда все будет готово.

– Мы это место потом хорошо осмотрим, – кивнул Урман и пронзительно взглянул на сидящих напротив него партнеров. – Только... Вы извините, уважаемые, но вы у себя дома, вам и стены помогают, а мы в гостях, от каждого куста шарахаемся. Проверьте, пожалуйста, чтобы там все чисто было, от всего сердца прошу! Работа нервная будет, плохие мысли сами в голову лезут... Собака в кустах зашевелится, а ребята подумают – засада... Сами понимаете – так и до беды недалеко!

– Никаких засад быть не может! – строго сказал Фома. – Здесь собрались серьезные люди, которые знают, что почем. «Косяки» исключены! Местные отвечают, чтобы собак у Тачанки не было! И кошек, и алкашей всяких, и бомжей. Вам ясно?

Корнилов кивнул.

– И последнее, по очереди, но не по важности, – сказал «законник». – Напоминаю, что мой гонорар составляет десять процентов от цены сделки. Это триста тысяч, по сто пятьдесят с каждой стороны. Расчет после проведения сделки. Это справедливо? Возражений нет?

Пулат и Урман покачали головами.

– Нет. Все нормально.

Корнилов кивнул.

– Все ясно, уважаемый Фома, это справедливо! А теперь предлагаю продолжить отдых в другом месте. У нас банька заказана и все, что к ней прилагается...

– Нет, дорогой, спасибо! – «законник» покачал головой. – Отдыхать после дела будем, а сейчас надо готовиться, чтобы все прошло гладко. Да и непонятки всякие нам не нужны. Первыми гости уезжают, потом я, потом хозяева. Порядок ясен, или есть вопросы?

Вопросов не было.

* * *

«Хвостов» взяли удачно. На этот раз агентурная информация оказалась точной – ночью группа подобралась к трехэтажке в Нахаловке, осторожно поднялись на второй этаж, соборы, похожие на рыцарей в своем тяжелом снаряжении, выбили дверь и ворвались в квартиру, братья не успели даже натянуть штаны. Через несколько секунд, ошалевшие от превентивных «расслабляющих» ударов, они сидели на полу, в цветастых трусах, упакованные в защелкнутые за спиной наручники, и только зло зыркали налившимися кровью волчьими глазами на массивные черные фигуры в масках и бронежилетах, которые переворачивали матрасы да выкидывали содержимое шкафов. Худые, рыжие, с испитыми лягушачьими лицами, они были похожи на отмороженных хулиганов, а не на особо опасных бандитов. С ненавистью рассматривая ловко стреноживших их сотрудников, они молчали, сдерживая свое обычное блатное красноречие: «соборы» оскорблений не любят, так что обойдется себе дорожке.

– Всем привет! – в квартиру стремительно вошли еще два человека, такого же крупного телосложения, как спецы, только без масок, в обычных гражданских костюмах и шляпах. – Нашли деньги или взрывчатку?

– Нет, – коренастый собровец покачал головой.

– Где деньги, Хвостатые?! – угрожающе спросил Степанов.

– А тебе чего, зарплату не платят? – старший брат усмехнулся. – Пошарь у меня в карманах, там полторы тысячи и мелочь. Как раз хватит на пиво, порадуешься...

– Не, нас другие деньги интересуют. Побольше.

– Откуда? Мы только откинулись, на работу не берут...

– Из инкассаторской машины, работнички хреновы, – ответил Васильев. Напарники засмеялись.

– Нарисовались последними, козлы, и сразу скалятся! – младший Хвост сплюнул прямо на пол. – Небось сами заходить зассали? Вперед этих гоблинов пустили?

– Бац! – изрядно поношенная туфля сорок пятого размера с размаху въехала ему в ребра, так что внутри что-то екнуло. Опера уголовного розыска тоже не любят непочтительного поведения. Особенно те, которые занимаются разработкой организованных преступных группировок.

– Сиди тихо, шелупень! – приказал Терминатор. – Тебе двадцатник корячится, так что учись хорошим манерам. А то на волю никогда не выйдешь!

– Слышь, Васильев, дай я ему врежу за гоблинов, – один из спецназовцев подошел поближе и отвел ногу в тяжелом шнурованном ботинке, будто готовился бить по мячу.

– Не-е-е, нам с ними еще работать, – ответил оперативник. В принципе, собрам он был не указ, но как инициатор захвата имел право голоса, и скорей всего, боец его бы послушался. Но в это время старший Хвостов повалился вперед и вцепился зубами в отведенную для удара ногу.

– Ах ты, мразота! – тяжелый кулак в перчатке с отрезанными пальцами обрушился на рыжий затылок, и Хвост, хрюкнув, уткнулся лицом в пол.

– Бейте, суки, бейте! – младшего прорвало – он брызгал слюной, глаза вылезли из орбит, тело тряслось, как в припадке. – За все спрос будет, по полной ответите! Думаете, е... за маски спрятали – и все в порядке? Хрен вам! Этих-то мудаков мы знаем, а когда начнем их на куски резать, они вас с потрохами сдадут!

– Кого ты резать собрался?! – второй оперативник тоже ударил беснующегося бандита ногой.

– Вложи ему, Степанов, – собровец, прихрамывая, подошел к окну и, задрав штанину, рассматривал укушенное место. – До крови прокусил, как собака! Надо прививку от бешенства делать...

Но опер лютовать не стал.

– Он свое получит, – только и буркнул Бэтмэн, отходя в сторону. – Надо еще деньги искать, да взрывчатку.

Но собровцы только покачали головами, указывая на учиненный ими переворот.

– Нету тут больше ничего, все перевернули. Вон только, на столе, тэтэшник и макар. Колоть их надо, паскуд!

– Поколем, куда они денутся, – кивнул Васильев.

– Яйца ты себе поколешь, если гвозди будешь п...! – сказал пришедший в себя Хвостов-старший и оскалился.

* * *

Через два часа, сдав Хвостовых и задокументировав задержание, опера вышли на улицу. Уже темнело, город переходил к ночной жизни. По Магистральному проспекту катил плотный поток машин, и в подавляющем большинстве это были не «рабочие» модели отечественного автопрома, а мерсы, бэхи, роверы, крузаки... Запрещенные тонированные стекла приспущены, из темных кожаных салонов рвется наружу одуряюще громкая музыка.

– Смотри, кто за рулем – одно соплячье! – сказал Васильев.

– И молодые телки, – согласился Степанов.

– Еду по городу в автомобиле, не насосала, а подарили, – продекламировал Васильев.

– Сам сочинил? – хмуро спросил Степанов.

– Нет, Пушкин Александр Сергеевич.

– Ты с этим аккуратней...

– С чем? – удивился Васильев.

– С насосами. Моя Алена тоже машину хочет, даже курсы закончила, права получила. Мне неприятно, если и про нее так говорить будут!

– Да я и не думал про нее! – растерялся Васильев. – Просто сказал. Поговорка же такая есть.

– Ладно, проехали. Что будем делать?

– Давай грамм по сто, и по домам.

– Идея мне нравится, но с некоторыми коррективами. Не по сто, а по двести.

– Коррективы внесем по ходу действия. Там будет видно.

– Мудрое решение! Куда двинем?

– Лучше неподалеку, пешочком. Тачки потом заберем, – Васильев кивнул на противоположный тротуар, который днем превращался в импровизированную автостоянку для сотрудников. Несмотря на позднее время, там еще стояло десятка полтора машин.

– Может, в «Сад»? – Степанов саркастически улыбнулся и показал рукой.

Наискосок от УВД мягко светилась украшенная цветными гирляндами веранда ресторана «Цветущий сад». Вокруг, загораживая проезжую часть, точно пришедшие на водопой хищники, сгрудились дорогие машины.

– Все шуткуешь? На руководство нарваться? Не, там мы никто и звать никак... А если за деньги, так и повышенных зарплат не хватит! Надо туда, где нас уважают. Пойдем к Вартану!

– Пойдем. Только... Может, давай я Алену приглашу? Для компании. Посидим втроем, все веселее...

Васильев выругался про себя. Но вслух спокойно сказал:

– Лучше в другой раз. У нас же свои разговоры, ей неинтересные. Да и многое у нас не для посторонних ушей.

– Ну, так – значит, так, – согласился Степанов.

Они прошли несколько кварталов вниз, в сторону вокзала, и, привычно осмотревшись, нырнули в дверь под вывеской «Встреча». Спустившись по ступеням, они оказались в подвальном помещении, отделанном по моде давно ушедших времен деревянными панелями. Бар был небольшой, здесь царил приятный полумрак, играла тихая музыка... Что очень важно – не было окон, в которые можно забросить гранату или выстрелить. А что еще важнее – имелся второй выход во двор, о котором никто не знал. Народу почти не было. Вечер только наступил, а до ночи еще было далеко.

– Какие люди! – из-за стойки навстречу им радостно выскочил черноволосый, южного вида бармен и принялся горячо пожимать руки. – Здравствуйте! Как поживаете? Что давно не были?

Радость была непритворной: несколько раз оперативники здорово помогли этому человеку. Поэтому здесь они пользовались максимальным уважением и стопроцентной скидкой.

– Здравствуй, Вартан! Что спрашиваешь? Ты же нашу работу знаешь...

– Знаю, знаю, проклятая работа! Я бы вам десять зарплат платил, честное слово!

– Ну, может, станешь когда-нибудь нашим министром... А пока накорми да напои – мы только с задержания...

– Пойдемте, пойдемте в ваш кабинет, – засуетился Вартан. – А кого задерживали?

– Завтра узнаешь! – ответил Степанов. – Как вокзальные? Не наезжают?

– Тьфу-тьфу, – сплюнул бармен. – После того раза, как бабка отходила!

– А вообще как обстановка? – поинтересовался Васильев.

– Сегодня двое приходили, дерганные такие, на карманников похожи. Предлагали золото купить. Я сказал не надо, чтобы по мелочи не светиться. А те залетные с пушкой куда-то пропали. Завтра Скворец из Анапы приезжает, он много новостей наметет...

Они прошли в маленький, но уютный кабинет с запирающейся изнутри дверью и выходом на черную лестницу. За несколько минут Вартан и его официант накрыли стол закусками: мясная нарезка, копченая курица, помидоры, огурцы, маслины, свежий ароматный лаваш, бутылка «Белой березки», томатный сок. Оставшись одни и задвинув щеколду, они жадно набросились на еду. Васильев разлил водку по рюмкам, они чокнулись.

– Ну что, давай за нас.

– Давай.

Они выпили, запили томатным соком.

– Сейчас ни на кого рассчитывать нельзя, – с полным ртом проговорил Васильев. – Свои же и продадут в случае чего.

– Это точно, – кивнул Степанов. – Хорошая бастурма, не пересушенная. Ты Кольку Логинова помнишь из Пролетарского?

– Ну?

– Ехал с дня рождения, с запахом, гаишники остановили, оформили и на ксиву не посмотрели. На следующий день уволили, и начальника розыска следом...

Васильев покрутил головой.

– Совсем офуели! Раньше своих всегда отпускали. А сейчас наоборот – лучше коркой не махать, а на деньгах решать вопрос...

– Только куда же мы так придем?

– А хрен его знает! Ни к чему хорошему... Только там, наверху, больших начальников за грехи подчиненных не снимают, что бы они ни вытворили. Даже выговоров не объявляют...

– Да-а-а, несправедливо... Если закон для всех один, то и спрос со всех одинаковый должен быть...

– А скажи, зарплаты у нас справедливые? Сколько раз в нас стреляли да ножами пыряли, а большие деньги в домах не водятся! Мы их только у бандитов видим: вот у «мертвецов» полный рюкзак...

– Ну, Бобров-то видит. И Лимонов. И примкнувший к ним Феклистов – хотя и молодой, а уже дом строит... Нормально для старлея?

– Так они не с зарплаты видят, а с «колдовства». И Синеватый не бедствует. Говорят, у него вилла в Испании...

– Они же ему и передают. Так все и идет: бабло снизу вверх по цепочке, а сверху вниз – покровительство. Лимонов меньше нас служит, а уже майора получил. И Бобров подполковника досрочно.

– А мы в капитанах перехаживаем!

– Бабло побеждает зло, – криво усмехнулся Степанов. – Может, и нам начать «колдовать»? Я бы тоже хотел в Испанию... Да и машинку недорогую Алене купить...

– Ничего себе! Ты совсем офуел с этой Аленой! Да ты знаешь...

– Не говори так, а то мы поссоримся! – насупился напарник, и Васильев осекся.

Степанов мрачно опрокинул рюмку, не предлагая товарищу. Васильев тоже выпил, но без удовольствия, ибо атмосфера единения душ, необходимая для российской пьянки, дала трещину. Да-а, дело плохо... Пожалуй, эпизод в кемпинге придется забыть, иначе они рассорятся насмерть!

– Я хотел сказать, что нам начинать уже поздно, – соскочил со скользкой темы Васильев. – Раз мы сразу не вписались в Систему, то и доверия нам нет. Да и места хлебные все заняты. «Крыши» уже поставлены, система развала дел налажена, зачем мы нужны? Да и не хочу я бандюков отмазывать!

– Так даже лучше: чуть жареным запахнет, они сразу друг друга сдают, – товарищ оставался мрачным, но явно ссориться не хотел.

– Ответственность тоже снизу вверх идет, по цепочке. И тормозится на каждом звене. Так что первым в СИЗО Феклистов отправится. В худшем случае – и Бобров. А до Синеватого не дойдет. Не говорю уже об остальных начальниках.

– Давай выпьем за нас. За честных ментов...

– Давай! За дураков!

Они выпили, закусили, расслабленно развалились на стульях.

– Нет, я себя дураком не считаю, – после паузы произнес Васильев. – Хотя Татьяна думает по-другому.

– И у меня та же картина. Ольга по сторонам смотрит и примеры приводит: у того машина классная, у того жена в бриллиантах, у того дом шикарный. А зарплата у вас одинаковая! Да и Алена... Кстати, чего ты на нее взъелся?

– И не думал. Просто, когда мы вдвоем сидим, задушевней получается. А дома у меня та же песня. Мы что, уже бутылку допили?

– Да, как-то незаметно. Когда нервы напряжены, она как вода пьется.

– Тогда по домам?

– Давай. Я хотел к ней заехать, но уже и сил нет.

– Вот и правильно. Отдыхать тоже надо!

В дверь постучали условным стуком: тук-тук, тук, тук-тук, тук.

Васильев открыл дверь.

– Чай пить будете? – спросил Вартан. – Или кофе? У меня пахлава хорошая есть, медовик.

– Спасибо, дорогой! – Васильев, сдерживая руку, похлопал его по плечу. – Мы уходим.

Вартан проводил их до выхода, тепло попрощался, пригласил заходить почаще. Оперативники осмотрелись и неспешно двинулись вверх, в обратную сторону.

– Знаешь, о чем я иногда думаю? – спросил Степанов.

– О чем?

– Как мы закончим...

– Службу?

– Нет. Жизнь.

– Глупые мысли.

– Может, и глупые. Только если Вартан нас сдаст, то прямо на ступеньках нас и положат. Один автоматчик здесь, второй во дворе, у черного хода. Минута делов.

– Где угодно могут положить. У дома, у работы, на улице, на рынке. Где угодно. Но думать об этом нельзя, а то можно свихнуться...

– Да я и не думаю. Оно само думается.

Дальше, до машин, они шли молча. Вечерний Тиходонск стоял в пробках. Автомобили еле-еле двигались по Магистральному проспекту, водители раздраженно сигналили. Каждый хотел как можно скорее вырваться из забитого центра и набрать скорость по дороге на Западный или на Северный. Каждый хотел быстрее попасть домой. И опера хотели того же. Но они не знали, как их встретят дома.

Глава 4. Запах больших денег

В оперативно-разыскной части уголовного розыска по разработке организованных преступных группировок Тиходонска шла интенсивная работа. Это не значит, что оперативники активно заводили агентуру, выпрыгивали из окон второго этажа в погоне за преступниками (это вообще, по большей части, бывает только в кино), на бешеной скорости гонялись за авторитетами преступной среды на автомобилях, вели смертельные перестрелки или схватывались врукопашную не на жизнь, а на смерть. Нет – крепкие опытные парни корпели над отчетами за прошедший месяц и составляли индивидуальные планы на следующий. По стандартам новейшего времени красиво составленная бумага успешно заменяла убогие результаты или даже полное их отсутствие.

А тут еще надвигалась московская проверка, и руководство ставило повышенные задачи, причем совершенно нереальные и заведомо невыполнимые: типа разобщить все оргпреступные группировки Тиходонска и реализовать материалы на их лидеров в объеме, позволяющем вынести им обвинительные приговоры. Ну и, конечно, задержать всех бандитов и убийц, находящихся в розыске, а желательно – полностью очистить город от уголовно-преступного элемента.

В принципе, все это было делом известным: бумажно-очковтирательская игра шла уже давно, и оперативный состав привык к ней и послушно следовал ее правилам. В тридцать втором кабинете четыре сотрудника лихо молотили по клавиатурам компьютеров.

«...Благодаря полученной агентурной информации мы, совместно со старшим оперуполномоченным Степановым, определили местонахождение банды Богданова («Серого») и при силовой поддержке СОБРа провели операцию по ее задержанию, – бойко докладывал Васильев. – В ходе задержания преступники оказали вооруженное сопротивление и все трое были ликвидированы, а я получил пулевое ранение и контузию, за что поощрен правами руководства денежной премией...»

– Получается, что ты поощрен не за операцию, а за ранение, – сказал подошедший сзади Степанов.

– Хрен с ним, – пробурчал Васильев. – Главное, факты: задержание, ранение. Может, кто-то из москвичей догадается к госнаграде представить...

– Да. Догонят и еще раз представят... Или возьмутся ранение твое проверять и вообще из органов выгонят...

– Да ты что?! – возмутился товарищ. – Треснутое от пули ребро разве не ранение? В медицинской карточке все зафиксировано! Сейчас еще про Хвостов напишу...

Они замолчали. В кабинете продолжалось интенсивное щелканье клавиш: Сероштан и Козловский изготавливали свои отчеты, и каждый, по мере сил, преувеличивал и приукрашивал результаты собственных трудов. Если верить написанному, то и они получили оперативную информацию о нахождении «мертвецов», а Степанов с Васильевым и СОБРОм, успешно реализовали их данные. В конце концов, разные опера могут получить от разных агентов одинаковую информацию... Правда, при таком раскладе сельский участковый лейтенант Поповченко оказывается за скобками операции «Мертвецы», но ему-то инспекторская проверка не грозит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.